

ВЫ ОСТАВИЛИ МЕНЯ ТВАРЯМ

ТОМ 3

Арон Родович

Вы оставили меня тварям III

<https://litres.ru/74585062>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире Разломов слабым тоже находят применение. Просто об этом не пишут в объявлениях о наборе.

Я думал, самое страшное — оказаться бесполезным.

Ошибся.

Теперь люди, которым раньше было плевать, жив я или нет, слишком настойчиво хотят знать, что со мной произошло. Одни предлагают защиту. Другие — деньги. И все почему-то спрашивают о моём отце.

Он не вернулся из рейда шесть лет назад. Мне сказали, что слабые долго не живут.

Я поверил.

Но кое-кто очень не хочет, чтобы я узнал, как долго умирают сильные.

Меня зовут Лёша Кубраков. Ещё недавно мне нечем было угрожать этим людям.

Теперь есть.

Только я пока не уверен, что оно на моей стороне.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Арон Родович

Вы оставили

меня тварям III

Глава 1

Нормальной аптечки не было. Был пакет первой помощи с жилета бойца. Я сорвал оболочку зубами. Рука дрожала. Левая. Правая не слушалась. Зажигалка гремела в кармане, но сейчас мне нужнее оказался бинт.

— Давай, парень, — я зажал пакет коленями, не позволяя ему соскользнуть в грязь. Голос звучал чужим, хриплым. — Ты же хотел быть героем. Герои не истекают кровью в мусорных баках.

Я прижал плотную салфетку к порезу над правым локтем. Боль пришла белой вспышкой; я выругался в ворот куртки, пока снаружи грохотали сапоги. Держал, не заглядывая под салфетку каждую секунду. Когда край перестал быстро промокать, обмотал руку широким бинтом. Затянуть помогли зубы.

На плече прижал второй пакет вокруг места, где сидел осколок, не выковыривал его. Правую кисть вернул в шарф, узел подтянул ближе к шее. Потом накрыл свежей марлей

старую повязку левого большого пальца. Дыхание сбилось. Голова кружилась так, что стены начали плыть. Я закончил перевязывать и только тогда позволил себе прислониться к стене.

«Пульс», — приказал я себе. *«Синхронизация»*.

Эхо Глеба откликнулось слабее обычного. Сердцебиение замедлилось. Боль отступила на второй план, превратившись в фоновый гул. Я поднялся. Ноги были ватными. Я прислонился к стене, проверяя, не упаду ли.

В кармане лежала запасная сим-карта из Диминого набора и горсть наличных, которые я вытащил из кармана снятой куртки бойца. Я сложил купюры отдельно от карты, протолкнул поглубже в карман. На улице они ещё пригодятся; вырони сейчас — искать под чужими сапогами не вернусь.

Мне нужно было выйти. Сейчас. Пока они обыскивают верхние уровни. Пока система безопасности переваривает информацию о взломе трансляции.

Я толкнул дверь люка. Она скрипнула, открывая вид на коридор служебного этажа. Пусто. Камеры наблюдения крутили головами, но угол обзора оставлял мертвую зону у стены. Я проскользнул туда, прижимаясь спиной к холодному бетону.

Нужна одежда. Эта окровавленная форма техника уже стала уликой. Её могли искать по базе данных украденных пропусков. Нужно исчезнуть. Стать частью интерьера.

Кладовая уборщиков находилась в конце коридора, за по-

воротом. Я знал этот путь. Она была отмечена на схеме Катрин, за грузовым коридором. Я запомнил этот поворот до того, как треснул экран.

Шаги. Тише. Короткими шагами, прижав правый локоть к боку, я двигался вдоль стен. Каждый шаг давался ценой усилия воли. Плечо ныло. Голова гудела.

Дверь кладовой была закрыта на обычный навесной замок. Я дернул его. Замок звякнул, но не поддался. Я упёрся ногой в дверь и дёрнул петлю замка левой рукой. Под бинтом резануло. Я перехватил металл глубже в ладонь и дёрнул второй раз. Косяк треснул. Дверь открылась внутрь, ударившись о стену с глухим грохотом. Я придержал её ногой: только этого шума ещё не хватало.

Внутри было темно, тесно и пахло хлоркой. Ведра, швабры, коробки с моющими средствами, стопки тряпок. И тишина. Относительная, защищенная от внешнего шума тишина.

Я включил фонарик на телефоне. Свет выхватил ряды полок. На нижней стояла груда спецодежды. Синие комбинезоны, серые жилеты, резиновые сапоги. Форма обслуживающего персонала низкого приоритета. Идеальная маскировка.

Я поставил сумку с планшетом на сухую полку, автомат положил за коробку с мылом. Начал переодеваться быстро, насколько мог одной рукой. Снял куртку бойца, расстегнул рванный комбинезон техника. Здоровую руку вынул сразу, правую пришлось укрыть шарфом и стянуть рукав вниз, по

чуть-чуть.

Надев свободные штаны уборщика, я почувствовал облегчение. Ткань была чистой, сухой. Верхнюю часть взял на размер больше, оставил правый рукав пустым. Перевязь оказалась под свободной грудью комбинезона; снаружи уже не было видно свежего бинта. Куртку бойца и старую форму затолкал за коробки с моющим средством. Телефоны Ратмана, носитель `NMUR\_09`, деньги и свёрнутые бумаги переложил в чистые карманы. Пакет с приказом проверил по сгибу: на месте.

Оставалось главное — лицо.

Я взял ведро чистой воды и мокрую тряпку. Снял кровь со щёк, со лба, подбородка. Средство для удаления жирных пятен оставил на полке — лицо мне ещё понадобится.

В ящике со спецодеждой нашлись защитные очки. Я протёр стекло тряпкой и надел. Лампа отражалась в них так, что половины лица не видно. Если посмотрят долго, узнают. Значит, долго смотреть не дам.

Я взял шапочку из ткани, натянул её глубоко на лоб, скрывая глаза в тени. Лицо стало плоским, невыразительным, лицом уставшего работника, которого не хотелось ни о чём спрашивать.

Закончив, я вылил воду в слив. Вытер руки. Посмотрел на себя в зеркало, висящее на стене. Я повернул голову к лампе, потом в сторону. Очки снова поймали свет, шапочка прикрыла лоб. В таком ракурсе лицо с объявления узнать

труднее. Если подниму подбородок и начну рассматривать охрану, всю эту маскировку можно выбросить.

Я взял швабру и ведро. Сумку поставил под ветошь на маленькую тележку у двери; автомат уложил рядом, стволом под мешок. Правую руку не нагружать. Тележку можно катить левой ладонью, а швабру удержать локтем. Пришло время идти.

Коридор после кладовой был освещен тусклыми аварийными лампами. Камера над поворотом смотрела в середину прохода. Я остановился у мокрого пятна, опустил швабру и дождался, пока объектив повернётся к лестнице. Чудес от шапочки ждать не стоило. Она прикрывала лоб, очки — глаза, но фотография Кубракова никуда не делась.

Я шел медленно, шаркая ногами. Швабра стучала по полу. Ритмичный, монотонный звук. *Тук-тук. Тук-тук.* Я имитировал движения настоящего уборщика, который моет пол, пока начальство занято важными делами.

Навстречу мне вышел охранник. Крупный, в бронежилете, с автоматом на груди. Лицо закрыто забралом, но глаза видны. Взгляд метнулся по мне. Оценил. Комбинезон. Ведро. Швабра. Поза сутулая, покорная.

Охранник остановился. Я замер. Сердце пропустило удар. — Ты тут давно? — Охранник поставил ботинок перед колесом, остановив тележку. Голос был грубым, привыкшим командовать.

Я поднял голову. Посмотрел исподлобья. В глазах долж-

на была быть не ярость загнанного зверя, а тупая, бытовая ненависть к работе.

— Тридцать лет мою этот кафель, — я ткнул шваброй в след его ботинка. Голос сорванный, хриплый от дыма и боли. — Опять эти ваши дебилы-танцоры конфетти роняли. Вся вентиляция забита.

Швабру оставил возле его подошвы, словно ждал, когда уберёт ногу и даст домыть. Пока он смотрел на мокрый след, я не поднимал подбородка выше. На турнире должны были искать Наследника мёртвых. Я ждал перед ним со шваброй, всем видом обещая отмыть след его ботинка, как будто другого занятия у меня здесь нет.

Охранник фыркнул. Смех вышел коротким, нервным. Он махнул рукой, отворачиваясь.

— Ладно, дед. Чисти. — Он убрал ботинок, отступил к стене и махнул мне мимо себя. — Только не разлей ничего на пути к серверной. Там сегодня жарко будет.

Я кивнул. Продолжил движение. Швабра снова зазаскрипела по полу.

Каждый шаг давался тяжело. Голова кружилась. Перед глазами мелькали искры. Но я шел. К грузовому лифту. Тот находился в северном крыле стадиона, там, где парковка техники и зона разгрузки оборудования.

Путь к лифту лежал через холл первого уровня. Здесь былолюдно. Люди бежали, кричали, толкались. Трансляция турнира прервалась, зрители растерялись. Кто-то снимал это

на телефоны. Кто-то искал выход. Хаос был лучшим прикрытием.

Я держался края толпы, прижимаясь к стенам. Камеры слежки крутились над головами. Я видел их объективы, направленные вниз, на лица. Держался за группой работников кухни, катил тележку в их тени. Пока камеры искали людей, которые бежали, я каждые несколько шагов останавливался и подбирал шваброй мусор. Знать, узнала ли меня какая-нибудь из них, я не мог.

Я добрался до лифта. Нажал кнопку вызова. Кабина ехала сверху вниз, медленно, с шумом мотора. Я оперся на швабру, закрывая глаза.

«Пульс». Стабилизация дыхания. Замедление сердцебиения.

Когда двери открылись, внутри никого не было. Кроме зеркала на задней стенке. Я увидел свое отражение. Чужое лицо. Чужие глаза. Усталые, пустые.

Я зашел внутрь. Нажал кнопку минус первого этажа.

Лифт двинулся.

На минус первом этаже пахло бензином и сыростью. Парковка техники. Грузовики, фуры, спецтехника для монтажа сцены. Всё было брошено в спешке. Люди бежали вверх, спасаться, или вниз, эвакуировать оборудование. Никто не обращал внимания на одинокого уборщика с ведром.

Я вышел из лифта. Огляделся. В дальнем ряду стоял электрокар для перевозки мусорных контейнеров. Маленький,

зеленый, с облупившейся краской. Именно то, что нужно. Медленный, с платформой под отходы. Я смогу сесть и не тащить всё на себе. На платформе уже лежали два мешка из пресс-центра; один протёк, пахло кислым.

Я подошел к машине. Проверил ключ в зажигании. Там был брелок. Я зажал его тремя пальцами, не трогая повязку на большом, и повернул в гнезде. Электрокар ожил, тихо загудел двигателем.

Я сел за руль. Положил ведро и швабру на заднюю платформу. Сумку с планшетом поставил между ними, автомат спрятал под ветошью и закрыл низкой крышкой платформы. Исходная копия и телефоны оставались при мне. Включил фары. Машина тронулась, мягко скользя по бетонному полу.

Выезд с парковки контролировался блокпостом полиции. Мигалки. Патрульные машины. Перекрытая дорога. Я подъехал ближе. Полицейский поднял руку, требуя остановиться.

У меня сжалось сердце.

Я мог развернуться. Мог попробовать проскочить. Мог попытаться таранить заграждение электрокаром. Но любое агрессивное действие выдаст меня. Полиция здесь работала в связке с Реестром. Любой инцидент — и меня найдут.

Я остановил машину. Опустил стекло.

— Документы, — полицейский протянул ладонь поверх дверцы и наклонился к кабине. Молодой парень в форме, нервный, с потным лбом.

Я протянул ему путевой лист электрокара, который нашёл

в бардачке. Бейдж держал под краем жилета. Свой старый студенческий билет оставил в кармане: фамилию Кубраков здесь ещё раз читать незачем.

Полицейский посмотрел на документы. Потом на меня. Потом на ведро с шваброй.

— Куда прешь? — Он ткнул жезлом в заграждение перед кабиной. — Там перекрыто. Все выезды блокированы.

— В зону разгрузки мусора, — я указал левой рукой на мешки и откинулся на спинку, будто собирался ждать здесь до конца смены. — Мне нужно вывезти отходы из пресс-центра. Там авария канализации. Вонь стоит такая, что люди в обморок падают. Шеф сказал срочно убрать.

Полицейский поморщился. Я кивнул на протёкший мешок. Полицейский подошёл к задней платформе, отёрнул голову и прикрыл нос рукавом. Он посмотрел на дорогу, ведущую в боковой переулок, где работали коммунальщики и вывозили контейнеры. Там не было блокпоста. Там была обычная городская грязь.

— Ладно, езжай. — Он вернул лист, отодвинул край заграждения к патрульной машине. — Только быстро. И не тормози посреди проезжей части.

— Спасибо, начальник, — я спрятал лист обратно в бардачок и положил ладонь на руль.

Подняв стекло, я вдавил газ. Электрокар медленно, неспешно свернул в переулок. Я свернул под козырьком вывоза мусора. Ближайшая камера смотрела на блокпост. До

следующего поворота в её луч я уже не попадал.

Перед глазами всё плыло. Повязка держала, но при каждом повороте руля под старым бинтом на большом пальце щипало. Сила уходила из тела. Я понимал, что едва доеду до следующего квартала. Мне нужна помощь. Мне нужен тыл.

Я вытащил из кармана новую сим-карту. Вставил в телефон. Включил устройство. Экран вспыхнул, показывая сеть. Связь была слабой, помехи от разлома и оборудования стадиона глушили сигнал, но дозвониться можно.

Я остановил электрокар за шинным складом и набрал номер Димы. Мотор выключил; в тишине слышно было, как щёлкает остывающий пластик под приборной панелью.

Гудки тянулись. Я держал телефон у уха и слушал паузы между ними. Мне нужен был не ещё один разговор о записи. Скажу, где сижу и что принести; про подпись Морозова мы успеем потом.

— Алло? — В трубке зашуршала ткань, щёлкнул замок сумки. Голос Димы дрожал. На фоне слышались сирены и крики. — Лёха? Ты где? Они говорят, что тебя...

— Я за шинным складом, — я подвинул телефон ближе к губам, прикрыв его от ветра ладонью. Голос звучал глухо, как из бочки. — Не у общаги. Встречаемся здесь. Возьми аптечку. Настоящую. Не эту мусорную.

— Ты ранен? — На том конце громко хлопнула дверь; голос стал ближе к микрофону.

— Очень. — Я расправил край шарфа, который опять тя-

нул ключицу, и упёрся затылком в сиденье.

Тишина на другом конце провода. Потом решительное:
— Жди. Не высовывайся. Я буду через пять минут. — В трубке застучали шаги, Дима уже не задавал вопросов.

Я слушал их, не убирая телефон от уха. После всех дверей, которые пришлось открывать чужим именем или силой, эти шаги были ко мне. Не за карманами, не за руками для опытов. Я сказал, где ждать, а друг сам решил идти. Теперь действительно можно было посидеть в кабине и не искать ещё один выход вместо него.

Я сбросил звонок. Телефон упал на колени. Экран погас. Электрокар стоял за складом, в тени между грузовыми воротами. По улице мимо него шли люди. Кто-то спорил о записи, кто-то просил переслать, кто-то доказывал, что это постановка. А я, Лёша Кубраков, сидел на мусоровозе за шваброй и ведром, держал голову на спинке сиденья и впервые мог не торопиться хотя бы полминуты.

К общаге нельзя. Её уже раскрыли. Здесь было три выезда, Дима мог подойти с заднего двора, не пройти возле арены. Я смотрел на эти выезды по очереди. Мотор не запускал: если заведу и поеду искать его, мы разминёмся.

Я прикрыл глаза. Хотелось ещё секунду. Потом кто-то постучал по дверце, и я поднял левую ладонь раньше, чем узнал Диму. Он пришёл со стороны мастерских, показал ключи от своей машины: оставил её там, не стал подъезжать прямо к моему электрокару.

— Это я, — он присел у кабины, развернул аптечку на сухом краю платформы. — Руку покажи.

Я вытащил левую из-под телефона. Дима посмотрел на бинт, осторожно размотал край. Не полез в порез, накрыл чистой салфеткой. Потом поправил широкую повязку над правым локтем и шарф.

— Ключица? — Он придержал локоть, пока я устраивал руку повыше. — Та же. — Я упёрся ногами в пол кабины, не давая ему поднимать меня за плечо. — Значит, врач. — Дима убрал аптечку, но сел рядом с дверцей, чтобы я не попробовал встать рывком. — Сначала отсюда. — Я потянул к себе сумку из-под крышки платформы и передал ему. — Планшет. Экран умер после конца ролика. Копия внутри. Оригинал у меня.

Он заглянул в сумку, не стал включать разбитое стекло. Телефон в его кармане дрожал уже второй раз. — Видели. — Дима развернул свой экран ко мне: снятая с трибун страница с подписью. — Не все поверили. Но все увидели. — Пусть перечитывают. — Я убрал палец от чужого экрана. — Теперь имя Морозова не только на рекламной заставке.

Дима засмеялся коротко, без радости. Я тоже попытался. Получилось с болью в ключице.

«Тридцать лет я мою этот кафель», — подумал я с усмешкой. *«Интересно, сколько времени мне понадобится, чтобы смыть кровь?»*

Шутку Диме не сказал. Он уже смотрел мимо меня, на

улицу. — Чёрный седан, — Дима придержал мою дверцу, оставил её приоткрытой и отступил в тень. — Второй раз мимо.

Я повернул голову. Седан шёл медленно. В пассажирском окне белело лицо; смотрели на платформу, на серый комбинезон. Дима стоял за кабиной, со стороны склада. Его пока не видели.

Я встал, держась левой за дверцу, и проверил чистые карманы: оба телефона Ратмана, носитель `HMUR\_09`. Они оставались со мной. Автомат оставил под ветошью. Закрыв крышку. — Уведи к северному выезду, — я вложил брелок в Димину ладонь. — Не возвращайся к общаге. Сумку держи под сиденьем. — А ты? — Он задержал пальцы на брелоке, не давая мне уйти сразу. — Я не дам им проверить твой планшет. — Я отпустил его руку и шагнул к воротам. — Если станут выбирать, пусть идут за мной.

Дима сел за руль. Мотор загудел. Пока он разворачивал электрокар, я вышел из тени склада на тротуар. Седан тормознул. Передняя дверь открылась первой, две задние — следом. Я не стал ждать, пока они подойдут.

За спиной закрипели колёса мусорного электрокара. Дима уходил к северному выезду с планшетом и ещё одной копией, туда, где за мастерскими оставил свою машину. Полные архивы оставались у четырёх получателей, подпись Морозова — на сотнях чужих телефонов. Эту трансляцию уже не спрячешь обратно.

Я свернул между складами. От седана за мной пошли трое. Тот, который вышел из пассажирской двери, не ускорился — отстал от двоих и повернул к соседнему проезду.

Я прибавил шаг. Что он там знает про выход из этого переулка?

Глава 2

Мусорная улица

Я бежал. Не красиво, не спортивно, а так, как бегут загнанные звери: вполоборота, заслоняя лицо плечом, спотыкаясь о бордюры и врезаясь в спины случайных прохожих. Дима отводил мусорный электрокар к северному выезду; автомат остался под ветошью на закрытой платформе. Планшет после эфира тоже был у него. От моего шума ему сейчас было больше пользы, чем от моего оружия: трое из чёрного седана выбрали меня.

День клонился к вечеру. Снежная крупа таяла на асфальте промзоны, но мне было холодно ещё до неё. Ледяной пот стекал по позвоночнику, собираясь под поясом штанов. Правый локоть я прижал перевязью к боку. При каждом шаге ключицу простреливало, и хотелось схватиться за неё левой — только тогда будет нечем падать.

Улица была забита машинами. Часы пик в районе, где никто не работает по часам, а торгует ядрами и контрабандой. Ряды фургонов, грузовиков и дешевых седанов тянулись на километры вперед, создавая живой лабиринт из металла и гудящих моторов. Именно туда я и нырнул. Между фурго-

нами хотя бы не возьмут втроём сразу. Я втянул живот, протиснулся мимо зеркала; куртка зацепилась, и я дёрнул её, не оборачиваясь. Лучше оставить здесь рукав, чем самого себя.

За спиной слышались короткие сухие щелчки. Звук шагов профессионалов. Их трое. У ближайшего на запястье блеснул браслет С-ранга. Я успел увидеть букву, когда он отводил водителя с дороги; потом рукав опять закрыл её. Не клановые быки «Северного Меридиана», которые лезут на рожон, надеясь задавить массой. Это были другие. Тихие. Точные. Они шли за мной как волки за раненой косулей, разделяя секторы обстрела.

«Проклятье!» — выдохнул я, сворачивая в узкий переулок между кирпичными стенами склада и гаражей.

Воздух здесь пах мазутом и мочой. Темно. Тише. Идеально для засады или для того, чтобы исчезнуть. Я прижался спиной к шершавому бетону, пытаюсь сбить дыхание. В голове звучало эхо Хмурого, требующее проверить тылы, и голос Глеба, шепчущий успокоить пульс. Я попытался совместить их, заставив сердце биться ровно, пока легкие горели огнем.

— Ну давай, — прошипел я себе под нос, высматривая просвет в конце переулка, ведущий к парковке у торгового центра. Оттуда можно было уйти в толпе.

Я шагнул вперед, чувствуя, как пальцы в перчатках сжимаются в кулаки, готовясь к рывку. И замер.

На выходе из переулка стоял человек. Высокий, в черном плаще, несмотря на мокрый снег. Лица не было видно —

только блик очков и неподвижная поза. Третий. Он ждал меня здесь. Не преследовал, а перехватил. Знал маршрут лучше меня.

Мир вокруг схлопнулся в точку. Если я останусь в переулке — они сомнут с двух сторон. Если пойду через них — пуля или нож. Единственный путь назад — снова на главную улицу, в толпу, в шум, в хаос.

Я развернулся, чувствуя, как кровь стучит в висках. Паника накрыла волной, но я подавил её силой воли. От выхода пришлось именно оторвать себя: ноги всё ещё просились туда, где светло. Я выдохнул и повернулся обратно. *Не трусость. Расчет.*

Выскочив обратно на проезжую часть, я увидел, как из переулков слева и справа начинают выбираться фигуры. Двое оставшихся наемников. Один держал в руке короткий карабин, другой — тяжелый молот, похожий на строительный инструмент, но с рунами усиления на рукояти.

Я прыгнул на капот ближайшего грузовика. Металл был мокрым, подошва съехала к краю. Я вцепился левой в шов капота, удержал себя Хваткой, спустил ноги между колёсами. Мир сузился до следующего бампера. По мокрой от масла дороге приходилось идти почти на четвереньках: правую не распрямишь, левая ищет, за что держаться. Сверху наёмник видел только мой капюшон и никак не мог подвести карабин ниже чужого зеркала.

Машины тормозили. Сигналили. Кричали водители.

— Ты совсем ебанутый?! — орал какой-то дядька в фуражке, открывая дверь.

Я проскользнул мимо него, едва не сбив пешехода с коляской. Реакция отказала на долю секунды. Я дернулся в сторону, ударяясь левым плечом о зеркало заднего вида чужого автомобиля. Стекло разлетелось в крошку. Боль пронзила руку, но я не остановился.

Наемники не стреляли. Может, избегали патрулей Реестра. Может, просто не могли выбрать линию между чужими головами. Мне было всё равно, почему: карабин пока смотрел не в меня. Они пытались тихо убрать меня или загнать в тупик. Но я ломал их план. Я был тараканом в банке, который никак не хотели ловить руками.

Передо мной вырос хвост пробки. Грузовики стояли плотно, зазор между ними — меньше метра. Для человека это самоубийство. Для меня, с усиленной хваткой Хмурого, это возможность. Держаться за кузова. Выходить выше их ствола, пока они ищут меня внизу.

Я набрал скорость. Впрыгнул на подножку первого грузовика, ухватил левой дверную скобу, оттолкнулся и вытащил себя к верхнему краю кабины. Правый локоть оставался прижатым; от рывка больно кольнуло под перевязью. Второй наемник уже был там, у раскрытой водительской двери. Он ждал. Его глаза за очками сузились. Он потянулся вниз ко мне; до его подбородка оставалось полшага.

— Кубраков, — он подался ко мне через капот, левой при-

держивая раскрытую дверь. Голос был плоским, как бетон.

Я не ответил. Ответил кулаком. Активировал «Железную хватку»: левая кисть сомкнулась, не давая мне сорвать пальцы при ударе. Правую я держал в перевязи. Удар пришелся наёмнику под подбородок. Тот отлетел назад, ударяясь о стойку кабины. Кровь. Много крови. Из разбитой губы брызнуло мне на лицо, тепло и липко. Я остался у края подножки. Он заслонял следующий шаг к проходу, пока не сполз к стойке.

Но он не умер. Он сполз на колени на подножке, вынимая из-за пояса короткую саблю. Я не ждал, пока вытащит.

Я соскользнул с подножки, падая на асфальт между машинами. Ноги горели. В голове звенело. Эхо Глеба кричало: *Целься! Бей!* Эхо Хмурого рычало: *Держись! Не отпус-кай!*

Третий наемник появился сбоку. Тот самый, с молотом. Он нанес удар по моей ноге. Я подхватил рейку, лежавшую у борта, поставил под замах. Хватка удержала дерево в кулаке, но рейка треснула. Удар добрался до левого предплечья, которое сразу онемело. Боль была такой, что перед глазами поплыли белые пятна. Пальцы ещё сгибались. Значит, кость, может быть, выдержала. Проверять сейчас я не собирался.

Я упал. Наемник занес молот для добивания. Я толкнулся пятками под днище стоящей машины. Он ударил в край капота, а я уже выползал с другой стороны. Молот застрял в смятой кромке на миг. Этого мига мне хватило.

На обочине стоял старый, разбитый «КамАЗ» с закрытым фургоном. Задняя створка была приоткрыта, за ней темнели шины и металлолом. У кабины хлопнула другая дверь. Двое мужчин стояли возле неё; один держал бумагу, второй тянул ручку. Они смотрели внутрь, не на меня. Из-за стекла пискнул детский голос, дверь опять хлопнула и заперлась. Мои трое ещё выбирались из пробки. На секунду у меня появился пустой проход до фургона.

Инстинкт самосохранения перебил боль. Я рванулся к грузовику, отталкиваясь пятками и здоровым локтем, чтобы проскользнуть под чужим бампером, оставляя за собой след из грязи и крови. Молот ударил по асфальту там, где я лежал секунду назад.

Я вскарабкался на борт кузова, цепляясь пальцами за ржавую краску. Ногти хрустели. Я забрался внутрь, в темноту среди старых шин и металлолома. Потянул створку левой, придвинул внутренний засов. Металл стукнул. Я не успел сделать это тихо.

Тишина внутри кузова была обманчивой. Снаружи слышались голоса наемников. Они окружали машину.

— Где он? — карабин стукнул снаружи по борту; человек искал, куда обойти фургон. — В кузове. Запереть двери. Выкурить его оттуда, — другой дёрнул заднюю скобу. Засов отозвался у меня над плечом. Я отступил от створки, чтобы не получить по голове, когда она всё-таки пойдёт внутрь.

Я сидел, свернувшись клубком, прислушиваясь к соб-

ственному дыханию. Руки тряслись. Я прижал левую ладонь к колену, но вместе с ней задрожало и колено. Не спрячешь. Кровь текла из носа и рта; я сглатывал, чтобы не кашлять, и от этого только сильнее мутило. Я проигрывал. Просто и банально. Ещё один удар по засову — и даже стены, за которую можно спрятать спину, у меня не останется.

И тогда я услышал звук. Не снаружи. Внутри.

Где-то в глубине кузова, среди хлама, кто-то дышал. Тяжело. Прерывисто. Со свистом.

Я медленно поднялся, опираясь о стену кузова левой ладонью. Сердце колотилось так сильно, что оно отдавало в ушах. Я двинулся вперед, перешагивая через куски арматуры.

В углу, придавленный огромной старой шиной, лежал человек.

Он был одет в форму курьера какого-то сервиса, но форма была разорвана, пропитана кровью. Его живот вспорот осколком стекла или металла. Рядом валялась рация, из которой шипел белый шум. В другой руке он сжимал кольцо с ключом. Я отодвинул шину от его груди, приложил ладонь к ткани возле раны. Кровь тут же пропитала мои пальцы.

Человек повернул голову. Его глаза были остекленевшими, серыми от боли и страха. Он увидел меня.

— Ты... — прохрипел он. Кровь пузырилась у него на губах.

Я хотел помочь. Хотел сказать, что всё будет хорошо, хотя

сам знал, что вру. «Потерпи» тоже не годилось: он и без меня терпел. Я открыл рот и так ничего не сказал. Я протянул руку, чтобы проверить пульс.

Человек схватил меня за левое запястье. Его сила была невероятной для умирающего. Я повернул ладонь к его животу, прижал ткань над раной. Он держал мою руку и не мешал давить.

— Не... давай им... забрать Аню, — выдохнул он.

— Что? — я нагнулся к его губам, не убирая ладонь с живота. Снаружи били по створке, и конец каждого слова терялся в железном грохоте.

— Дочь... в кабине... за сиденьем... — его глаза расширились, фокусируясь на моем лице. — Ты... один из них?

— Нет, — я повернул к нему левое запястье, чтобы он увидел мой браслет, потом указал на заднюю дверь. — Я убежал от них.

Он посмотрел на мою окровавленную одежду, на перевязь под правым локтем. Потом его взгляд упал на рацию у его локтя.

— Ключи... не дам... — прошептал он. — Пока... она не в безопасности...

Он дёрнул кольцо к груди. Я не стал отнимать. Той же левой ладонью прикрыл рану крепче, не вырывая запястье из его пальцев.

— Не дам забрать, — сказал я ему в самое ухо. — Довежу.

Он смотрел, пока я не повторил. Тогда хватка на запястье

стала слабее.

Снаружи послышался скрежет металла. Створка дернулась, но засов ещё держал. Наемники пытались взломать замок. Я упёрся левым локтем в настил, не убирая ладонь с раны водителя.

Человек закрыл глаза. Его тело затряслось в агонии. Последний вдох. Выдох. Тишина. Я ещё держал его руку. Моя кровь из рассечённой ладони смешалась с его кровью между пальцами. Ключ выскользнул из разжавшегося кулака на настил. Я ловил второй вдох, смотрел на грудь. Не дождался.

Но тишины не было.

Резкий удар в висок. Такой сильный, что мир перевернулся. Я упал на колени, схватившись за голову. Из носа хлынула кровь. Перед глазами вспыхнули образы, не мои. Дорога. Солнце. Маленькое лицо девочки в зеркале заднего вида. Страх. Не за себя. За нее. Обещание. Долг.

«Довези».

Это слово резонировало в черепной коробке, словно колокол. Я ещё стоял на коленях в чужой крови, а пальцы уже искали рычаг передачи. Его привычка. В моей пустой ладони. Я прижал её к настилу, чтобы не тянуться туда, где никакого рычага не было. Боль колола висок на каждом вдохе. За дверью били железом, в кабине ждала его дочь. Осталась только задача. Спасение груза.

Я открыл глаза. Мир стал другим. Я потянул ближайшую шину к себе — и она остановила руку, словно прицепилась

к полу. Инерция. Вес, который больше не хотел двигаться. Я ослабил это ощущение: крышка сдвинулась. Сжал снова — она удержала меня, когда я качнулся на колене. Хмурый держал мою ладонь. Глеб ровнял дыхание. Третий голос держал саму вещь. Я почувствовал разницу, прежде чем придумал ей название.

Наемник, наконец, вскрыл замок и навалился на створку. Засов согнулся, металл ударил о раму. Дверь кузова распахнулась. Яркий свет фонаря ударил в глаза.

— Есть контакт! — крикнул кто-то сверху.

Я поднялся. Ноги слушались странно, непривычно твердо. Я посмотрел на свои руки. Синие пятна проступали под кожей пальцев, растекаясь, как чернила в воде.

— Ты мертв, мальчик, — произнес крупный боец с молотом, входя в кузов. Он улыбался, видя меня истекающим кровью и загнанным в угол. Молот волочился за его ногой, потом поднялся над порогом. Боец входил боком, не помещаясь между шинами.

Я не ответил. Пусть считает, что у меня уже и на ответ сил нет. Я следил за молотом: в тесноте боец ещё выбирал, куда его занести, а мне уже и шага назад не осталось. Из чужой памяти проступили слова водителя. *«Не тащи лишнего»*. Я попробовал разжать челюсть. Чужой совет сейчас относился и ко мне.

Я сосредоточился на полу кузова. На металле, который держал нас обоих. Он уже был продавлен у порога; под на-

ёмником закрипел прогнивший край. Я вцепился левой в покрывку, сцепил её движение с настилом. Меня перестало тянуть вбок. Теперь ждать, пока он поставит вторую ногу. Не раньше.

Пол прогнулся. Не сломался, а продавился в старой вмятине. Наемник потерял равновесие, его ботинок съехал в углубление. Он взревел, теряя устойчивость. Я сидел спиной к стенке и упирался обеими подошвами в шину. Она держала мой вес, пока он размахивал молотом.

Я использовал этот момент. Отпустил новую силу ровно настолько, чтобы покрывка снова могла двигаться, и толкнул её обеими ногами. Не кулаком. Тяжёлой шиной, которую удерживал у своих ступней. В обычной жизни меня бы оттолкнуло вместе с ней. Сейчас, чувствуя связь с весом вещей, я просто «попросил» инерцию работать на меня. Хватка удержала левую ладонь на скобе фургона. Правая осталась в перевязи.

Покрывка ударила в лицо наемника, когда он уже валился вперёд. Я добавил ногами, отправляя его назад, к открытой створке.

Хруст костей был громче выстрела. Боец отлетел назад, выпадая из кузова на асфальт. Там его ждали остальные.

Я остался один в кузове. Голова гудела. В виске пульсировал голос того, кого я теперь нес внутри себя. Курьер. Водитель. Папа.

Я перевел дух и посмотрел в сторону кабины. Через ма-

ленькое переднее окошко фургона, затянутое грязью, увидел девочку: она сползла с пассажирского сиденья на пол, прячась за спинкой. Я поднял ключ с настила, рацию сунул за пояс. Откинул боковую створку фургона, перебрался по наружной скобе на подножку кабины. Пассажирская дверь не открылась. Я показал ребёнку ключ, повернул его в замке. Она отодвинулась, выпуская меня внутрь.

— Я Лёша. Я тебя вывезу, — сказал я, перебираясь к рулю. Она не ответила, вцепилась в спинку обеими руками. Пусть не отвечает. Лишь бы держалась за ней, пока снаружи поднимают молот.

Я вытащил ключ, вставил в замок пуска. На полу возле педалей валялась тряпка с пятнами машинного масла. Где-то сзади стукнуло: они опять добрались до кабины.

Под пассажирским сиденьем торчал плоский красный пакет с крестом. Я зацепил его носком, вытащил левой и сунул в карман куртки. Если здесь аптечка — пригодится. Завести машину ещё предстояло, а её потом искать будет некогда.

Она была жива. И она была моим долгом.

Инерция страха

Ключ сломался с сухим щелчком, который в тишине кабины прозвучал как выстрел.

Я дернул обломанную головку левой ладонью на себя, чув-

ствуя, как обломанный штырь царапает кожу ладони. Кровь. Теплая, живая, пахнущая железом. Она потекла по запястью, капая на ржавый пол грузовика. Боль была точной, ясной и до безобразия простой по сравнению с тем хаосом, что творился у меня в голове.

«Не давай им забрать Аню».

Голос курьера всё ещё звучал в черепной коробке, но он уже не был просто эхом. Он стал частью меня, вживленной мышцей памяти, которая сейчас сводила плечи от холода и ужаса. Я поднял глаза. В зеркале заднего вида отражалось мое собственное лицо: бледное, перепачканное сажей, с расширенными зрачками, которые смотрели на мир чужими глазами мертвеца.

Снаружи послышался глухой удар. Потом еще один. Кто-то бил прикладом или рукояткой пистолета по стеклу водительской двери. Бил в одно и то же место, возле дверной ручки. После каждого удара я дёргался к замку, а он уже заносил приклад снова; паузы на мой испуг ему не требовалось.

— Лёша! — голосок девочки из-за пассажирского сиденья дрогнул, но не сорвался на визг. Она держалась. Десять лет, а держалась как солдат. Или как заложник, который понял, что крик привлечет убийц быстрее, чем помощь.

— Тихо, — я придавил её голову левой ладонью ниже края окна и сразу вернул руку к замку. — Не высовывайся.

Я схватился за замок пуска левой рукой. Правый локоть прижал к боку, не давая ключице разойтись от рывка. Если

ключ не работает, значит, нужно выбить механизм целиком. «Железная хватка» Хмурого вспыхнула внутри предплечья жаром. Это было похоже на то, как если бы кто-то засунул раскаленный прут прямо в сухожилия. Хмурый ненавидел бесполезную работу. Хмурый хотел ломать кости, а не пластик. Но долг водителя требовал именно этого — вытащить машину из тупика.

Я напряг мышцы. Кожа на костяшках пальцев побелела. Щелчок. Второй. Пластиковая панель вокруг замка треснула, но не отлетела.

Удар снаружи стал громче. Стекло начало крошиться. Паутина трещин расползлась по прозрачной поверхности.

— Блядь, — выдохнул я.

Второй удар пробил стекло. Осколки осыпались мне на плечо. Сквозь разбитую дверь внутрь кабины ворвался холодный воздух улицы и запах пороховой гари. Рука в черной перчатке просунулась внутрь, нащупывая ручку изнутри. Наемник. С-ранг. Холодный, точный, быстрый.

Я не стал ждать, пока он откроет дверь. Вместо этого я развернулся к приборной панели. Там, под слоем пыли и грязи, торчали провода. Старый пусковой блок, который я только что вырвал из панели. Нужно было обойти сломанный замок.

Рука наемника нашарила ручку. Механизм защелкнулся. Дверь начала открываться.

Я видел, как в щель между дверью и косяком проника-

ет дуло короткоствольного оружия. Снайпер? Нет, пистолет-пулемет. Компактный. Для ближнего боя.

«Чувствуй вес», — шепнул голос курьера. Не Хмурый. Не Глеб. Сам водитель. Тот, кто умер, чтобы довезти дочь.

Вес. Инерция. Масса.

Я потянул за два оголенных провода, торчавшие из выломанного пускового блока. В чужой памяти мелькнул этот же замок: водитель снимал кожух, ругался, соединял контакт через плоскую отвёртку. Я понял, какой провод нужен, и сразу потерял мысль за болью. Пальцы скользили по изоляции. Пот выступил на лбу, хотя в кабине было холодно. Страх парализовал мелкую моторику. Я подтянул левой ногой тряпку от педалей, поднял её: сухой угол ещё оставался.

Наемник ввалился внутрь. Его голова показалась в проеме. Шлем, защитные очки, маска на лице. Глаза за стеклом были абсолютно пустыми.

— Кубраков, — он упёрся свободной ладонью в спинку, качнул ствол к ногам Ани. Голос был модулирован, искажен электроникой. — Выходи. Или мы достанем её оттуда сами.

Он знал. Они знали про Аню. До этого я ещё надеялся: загонят меня, а она отсидится внизу. Теперь он даже голову не поворачивал, когда вёл ствол к её ногам. Я стиснул провод, продавив изоляцию ногтем. Выходить нельзя. Мне он предлагает дверь, ей — дуло.

Я посмотрел на него. Потом на левую кисть, удерживающую провод. Сердце колотилось так сильно, что ребра ходи-

ли ходуном. «Пульс» Глеба пытался стабилизировать ритм, загоняя панику в угол, но тело предательски дрожало. Мышцы отказывались слушаться приказов разума.

Если я сейчас замкну не то, машина так и останется грудой железа. Я не умел заводить грузовики без ключа. Этот человек, чьё слово билось у меня в голове, умел. Нужен контакт. Жесткий. Прямой. Не ток через мою руку — соединённые концы в обход замка. Я завернул пальцы сухим углом тряпки.

Наемник поднял оружие. Прицелился мне в грудь. Медленно. Ему некуда было спешить. Пробка блокировала улицу. Убежать нельзя. Остаться — смерть.

Я вспомнил, как Хмурый брал груз. Не пальцами. Костями. Как он входил в огонь, игнорируя боль, потому что боль была платой за силу.

Я не стал искать инструмент. Я сдавил провод через тряпку, вжимая оголённый конец в ответный контакт. Изоляция резанула рассечённую ладонь. Боль пронзила руку, но я не разжал пальцы.

— Сейчас, — я удерживал контакт, пяткой упёршись в пол. Аня прижала ладони к ушам, будто это было сказано ей.

И прижал контакты друг к другу. Стартер заскрежетал, долго, мучительно. В чёрной перчатке напротив согнулись пальцы — наёмник уже тянулся к моему воротнику. Я держал провод. Давай. Ещё оборот. Ещё.

Искра ударила в край тряпки. Я почувствовал запах палё-

ного волокна, машинного масла и старой крови. Концы сцепились. Память водителя требовала отпустить провод, как только мотор схватит, но пока он ещё не схватил. Я терпел, смотрел на тянущуюся к горлу перчатку.

Двигатель закашлял. Рывок. Ещё один. Из-под капота вырвался клуб черного дыма. Фары мигнули и погасли окончательно, но мотор заревел, грубо и некрасиво, как раненый зверь.

Наемник вздрогнул, инстинктивно отшатнувшись на подножке, когда кабина затряслась от работающего двигателя. Я использовал этот момент. Не стрелять. Не махать кулаками. Нашёл ногой сцепление. Отпустил пусковой провод, обхватил рычаг левой.

«Тяни».

Я представил себе массу грузовика. Несколько тонн металла, резины и стекла. Инерция покоя, которую нужно преодолеть.

Обычно, чтобы тронуться с места, нужно плавно отпустить сцепление. Здесь я выжал его, включил первую и отпустил рывком. Наемник опять потянулся ко мне. Я уже перехватил руль левой, уперся в него плечом — только не правым.

Я активировал «Сцепку массы». Так назвал это новое сопротивление, полученное от умирающего водителя. Я почувствовал, как вес машины потянуло к задней оси, как будто невидимая рука вдавила её в асфальт. Шина перестала бук-

совать на мокром пятне, зацепилась. Я отпустил лишнее усилие раньше, чем оно вырвало руль из ладони. Не надо удерживать весь мир. Достаточно колёс, которые сейчас вывезут ребёнка.

Задние колеса буксанули ещё на миг и зацепились за асфальт. Дым от шин потянуло в разбитое окно. Машина не поехала вперед. Она *запрыгнула* вперед, преодолевая инерцию одним мощным рывком.

Открытая водительская дверь зацепила бампер стоящего внедорожника. Верхнюю петлю вырвало, полотно повисло на нижней. Наемника сбило её краем с подножки, словно тряпичную куклу. Я услышал хруст, короткий вскрик, оборванный ревом мотора.

Машина рванула вперед, скребнув боком по тому же внедорожнику. Звук металла о металл был оглушительным. Кабина тряхнула так, что моя голова ударила о рулевое колесо. Во рту появился вкус крови.

— Лёша! — снова крикнула Аня. Теперь уже громче, ближе. Маленькое лицо выглянуло из-за спинки пассажирского сиденья. Глаза огромные, черные от ужаса. — Едем!

— Наверх. Ремень! — я на мгновение отпустил руль, нащупал замок справа и вытянул его из-под старой куртки на сиденье. Девочка ухватилась за край, полезла. Я уже снова держал обод. До следующей машины оставался один поворот.

Я вдавил газ в пол. Педаль провалилась. Двигатель взвыл,

набирая обороты. Грузовик, скрипя осями и теряя куски пластика, выехал на проезжую часть.

В зеркале заднего вида я увидел движение. Два других наемника. Один бежал к упавшему товарищу. Второй, тот самый, с коротким карабином, стоял на крыше своего джипа, целясь в мою кабину.

Глава 3

Выстрел прозвучал четко. Пуля прошла верх кабины, выбив осколки лобового стекла. По щеке потекла струйка. Горячая.

Я не стал смотреть на нее. Я смотрел на дорогу. Передо мной — поток машин. Часы пик. Люди. Безопасность в толпе? Нет. В толпе ты мишень, но и они тоже мишени. Первый уже выстрелил. На то, что остальные будут стесняться гражданских, я больше не рассчитывал. Уводил нос грузовика туда, где между автобусом и бордюром оставалось место.

Грузовик набирал скорость. Тридцать километров в час. Сорок. Руль трясло, стрелки приборов дребезжали, создавая противный звон. Правая рука немела в перевязи. Синие пятна, похожие на кровоподтеки, проступали на пальцах обеих рук. Побочный эффект «Сцепки». Тело не было готово к такой нагрузке. Левая кисть держала руль, но холодела с каждым усилием. Я отпустил новую силу на несколько вдохов, проверил, могу ли разогнуть хотя бы мизинец. Смог. Вернул его к ободу.

— Держись, — я перехватил обод ниже, прижал большой палец к тёплой изнанке руля. Обращался скорее к руке, чем к девочке.

Аня молча пристегнулась ремнем безопасности на пассажирском сиденье. Она делала это быстро, уверенно. Види-

мо, отец научил её не задавать вопросов, когда начинается стрельба.

Впереди маячила автобусная остановка. Рейсовый автобус выезжал на линию, набирая пассажиров. Идеальная пробка. Идеальный щит.

Я повернул руль влево, подрезая легковой седан. Водитель сигналил, орал что-то, но я не слышал. Я слышал только вой сирены вдалеке и стук сердца в ушах.

Сзади раздался новый звук. Не выстрел. Рычание мотора. Тяжелого, дизельного.

Я посмотрел в боковое зеркало. Второй грузовик. Черный, матовый, без опознавательных знаков. Наемники переключились на транспорт. Они не собирались ловить нас пешком. Они хотели тарана.

Расстояние сокращалось. Сто метров. Восемьдесят. Пятьдесят.

«Сцепка массы» пульсировала в голове, требуя действия. Но я не мог использовать её на себя. Держать разом своё тело и многотонную машину я не мог. Я рисковал потерять управление, если увеличу инерцию в движении. Нужно было другое решение.

Автобус впереди начал тормозить, выпуская людей. Пробка образовалась мгновенно. Легковые машины встали, сигналив.

Черный грузовик наемников шел прямо за мной, игнорируя правила. Он собирался врезаться в мой хвост.

Я сместился левее автобуса и резко ударил по тормозам: впереди встала легковушка.

Кабина качнулась вперед. Аня вскрикнула, упираясь в спинку сиденья. Я же чувствовал, как шины визжат, оставляя черные полосы на асфальте.

Подождите. Не тормозить.

Я посмотрел в зеркало. Разгона ему хватало. Задний ход? Нет, невозможно. На скорости? Самоубийство. Аня подтянула подбородок к ремню, ждала. Я кивнул на спинку: прижмись. Сам вжал лопатку в своё сиденье и снова взялся за руль.

Но «Сцепка массы» позволяла удержать то, что без неё сорвало бы машину поперёк дороги. Я потянул вес фургона вниз. Шасси просело. Колёса продолжали идти прямо, не разворачивались в автобус с открытой пассажирской дверью. Будто грузовик на мгновение превратился в скалу. Неподвижную ему быть нельзя — за нами уже мчался другой. Я держал только направление.

Черный грузовик врезался в нас.

Удар был таким сильным, что у меня заложило уши. Мир перевернулся. Стекла лобового экрана рассыпались в пыль. Воздушные подушки не сработали — старье. Меня бросило головой в руль. Темнота.

...

Тишина. Только шум крови в ушах.

Я моргнул. Свет фар ослеплял. Кабина была разбита.

Дверь повисла на нижней петле. Стекло везде.

— Лёша?

Голос Ани. Тихий. Дрожащий.

Я попытался пошевелиться. Левая рука болела. Правая... правая не чувствовала ничего. Синие пятна теперь покрыли всё предплечье; в свете аварийного индикатора они казались бледно-голубыми. Как замороженные ветки под кожей.

— Жив, — хрипло сказал я.

Я посмотрел назад, в боковое зеркало. Передняя часть грузовика наёмников торчала слева от фургона. Он заглох. Капот сложился гармошкой, упираясь в мой бампер. Сзади мигали фары стоявшей легковушки, освещая смятый радиатор преследователя. Мои погасли ещё при пуске. Не ждать, пока он снова поедет.

Из кабины наемников никто не выходил. Возможно, они были мертвы. Возможно, оглушены.

Впереди, сквозь разбитое стекло, я видел движение. Толпа людей. Крики. Автомобильная авария заблокировала проезд. Полиция? Реестр? Клань?

Неважно. Важно одно: я выжил. От этой мысли хотелось откинуться на спинку, хотя бы на секунду закрыть глаза. Я уже начал это делать — и остановился. Рядом Аня. Позади разбитая машина, из которой ещё могут вылезти. Отдохнуть получится только там, куда доедем, а стоящий грузовик всё ещё принадлежит им.

Я потянулся к рычагу переключения передач. Рука не слу-

шалась. Пальцы скользили по металлу. «Пульс» Глеба помогал выровнять дыхание и удерживать внимание на движении, но мышцы были слишком слабы.

— Помоги, — я положил её ладонь на набалдашник рычага, свою оставил рядом на панели. Первый раз за весь бой.

Она замерла. Потом медленно, осторожно, наклонилась ко мне с пассажирского сиденья. Маленькие ноги в грязных кроссовках. Лицо бледное, но сосредоточенное. Она взялась за рычаг своими руками.

— Вниз? — она потянула рычаг, но остановилась, когда тот не пошёл. Подняла глаза на меня.

— Да. Вперед. Любой ценой, — я выжал сцепление, коснулся её запястья левой. — Только теперь. Теперь тяни.

Она потянула. Рычаг щелкнул. Двигатель моего грузовика, хоть и заглох, все еще имел шанс.

Я снова прижал пусковые контакты через тряпку, которую оставил на панели. Обрывок провода искрил. Мотор чихнул. Закашлял. Выплюнул дым.

Мы двинулись. Медленно. Скользя по обломкам. Вперед, сквозь толпу, сквозь панику, сквозь чужую боль.

В зеркале заднего вида я видел, как из кабины вражеского грузовика вылезает фигура. Крупная. В тяжелой броне. Он держал в руках автомат. Посмотрел на нас. На меня.

И начал стрелять.

Пули застучали по заднему борту, прошили низ кабины. У ноги Ани отлетел кусок внутренней обшивки. Острый

край рассёк голень над кроссовком. Она не крикнула. Просто закрыла глаза, сползла ниже окна и прижала рукав к ранке. Я увидел красное пятно и сказал держать. Не отпускать, пока не остановимся. Сам говорил слишком громко и услышал это лишь на последнем слове. Она не виновата, что я не могу сейчас убрать с руля единственную рабочую руку. Я сбавил голос, повторил: держи, Ань. Ещё чуть-чуть.

Я вдавил газ. Синие пятна на руке распространялись вверх, к плечу. Холод проникал в суставы.

Бег был невозможен. Сражение неизбежно.

Грузовик рычал, набирая скорость, уходя от выстрелов, от смерти, от прошлого. Но я знал: мы еще далеко не свободны. Долг курьера висел надо мной, как топор над головой. Аня смотрела на меня. Не с благодарностью. С ожиданием. Она ждала, стану ли я её спасителем или её палачом.

Я выбрал третье. Стал машиной. Девочка ждала слов, а я боялся отвлечься даже на неё: руль отдавало в кисть, нос грузовика нужно было удержать на дороге. Не обещать ещё раз. Довезти. Пусть потом решит, кем я ей оказался.

В зеркале появились две новые пары фар. Обогнули разбитый грузовик, расходились к нашим бортам. Я срезал к широкому повороту, не давая одному из них встать между кабиной и тротуаром. Аня дышала рядом, ладонь всё ещё держала голень. Мне надо было увезти её, а не выиграть ещё одну красивую гонку.

Таран изнутри

Я удерживал руль левой ладонью, пока машина рычала, как загнанный зверь. Обод бил по пальцам, выбивая костяшки до синевы, а в зеркале заднего вида фары преследователей расходились к нашим бортам. Один нос показался у Аниного окна, другой — у моей повисшей двери. Холодное, расчетливое желание разорвать нас на куски читалось в том, как они зажимали дорогу.

«Сцепка массы» гудела в висках чужой тяжестью. Я чувствовал, как ржавая коробка тянет мои пальцы за рулём, как шины срываются на мокром асфальте. Водитель мертв, но его инерция жила во мне. Тяжелая, свинцовая, тупая боль, которую нужно было направить туда, где она причинит вред врагам.

Первый внедорожник выскочил слева, подрезая нас к обочине. Стрелок высунул дуло пистолета через окно. Пуля выбила остатки стекла в водительской двери, осыпав меня осколками и стекловатной пылью. Аня закричала, прижимаясь к приборной панели. Десятилетняя девчонка с глазами старого волка, который уже понял: здесь не спасут, здесь будут убивать.

— Держись! — я перехватил руль за нижний край, чтобы обод не вывернул руку, когда ударят снова. Хотя знал, что она держится сама. Крепче меня. Аня прижала ладонь к зам-

ку ремня, проверила, не отстегнулся ли от рывка, и вернула её к ранке.

Шина лопнула с хлопком, похожим на выстрел из танковой пушки. Грузовик занесло. Металл заскрежетал, цепляясь днищем за асфальт, искры брызнули в темноту вечерней магистрали. Я повернул руль против заноса, упираясь левой ладонью в обод. «Сцепка» тянула вес ниже, удерживая фургон от опрокидывания. Быстрее он от этого не ехал. Мы стали мишенью. Неуклюжей, медленной, огромной мишенью. Я увидел правый внедорожник вплотную к Аниной стороне и понял: сейчас либо их отодвинуть, либо они доберутся до неё через окно.

Второй внедорожник поравнялся с правым бортом. Из его окна высунулся крупный боец в тактической броне. Он не стрелял. Просто смотрел на меня, оценивая шансы. И улыбался. Я уже хотел отвернуться к дороге — не дам ему видеть, как тяжело мне держать руль. Вместо этого посмотрел прямо на него. Пусть улыбается. Сам подъехал достаточно близко.

— Хватит возиться, — я выставил левый локоть ниже, зажал обод между ладонью и коленом на миг, чтобы перехватить. Язык заплетался от перегрузки нервной системы. — Пора менять правила.

Я ударил по тормозам ногой, повернул руль к внедорожнику справа и удержал вес фургона новым навыком. Передняя часть просела, но не пробила асфальт. Шины продолжа-

ли скользнуть, и я направлял этот снос туда, где был чужой капот, не Анина дверь. Сцепка не рулила за меня. Она давала достаточно опоры, чтобы я довернул.

Грузовик шарахнулся в сторону, тараня второй внедорожник.

Звук был отвратительным. Смятый металл, хруст пластика, визг срывающейся резины. Бронированный джип перевернулся, кувыркаясь по асфальту, как игрушечная машинка, которую толкнул ребенок. Я услышал крик того здоровяка, но он оборвался раньше, чем машина завершила свой путь.

Я не смотрел, сколько он перевернулся. Держал правый борт грузовика выше, пока нас тащило по инерции. В щели окна Аня зажмурилась. Ремень был застёгнут. Я впервые за весь поворот сумел вдохнуть.

Тишина длилась секунду. Потом снова заработал мотор грузовика, кашляя и плюясь черным дымом. Кабина держалась, но через выбитое лобовое стекло хлестала снежная крупа. Я посмотрел в зеркало. Первый внедорожник остановился за кабиной, в трёх метрах от моей подножки. Из него вышли двое. Один держал автомат. Второй — нож. Они шли к нам медленно, уверенно. Профессионалы. Им не нужен был транспорт, чтобы добить раненого зверя.

— Леша? — голос Ани дрожал, но она не плакала. Она проверяла прочность ремня безопасности. — Ты сломал им ноги?

— Почти, — я отодвинул повисшую дверь ногой, выставил левую стопу на подножку. Аня опять натянула ремень, убедилась, что держит. — За спинкой пока. Ко мне не выходи.

Нужно было выйти. Нужно было закончить это здесь, пока они не подтянули тяжелую технику или снайперов. Пока «Северный Меридиан» или эти частники-коллекторы не поняли, что их жертва кусается слишком сильно.

Я спрыгнул на мокрый асфальт. Колени подогнулись, когда я почувствовал вибрацию от шагов идущих ко мне врагов. Сцепку с машиной я отпустил, иначе она тянула бы мою ладонь обратно к рулю. Своего веса и усталости хватало без неё. Повисшая водительская дверь закрывала меня от прямого выстрела. Я присел за ней, нашёл ботинком подножку. Из-за неё он должен будет обойти. Вот тогда я двинусь.

Стрелок поднял автомат.

— Стоять! — крикнул он. Голос хриплый, сорванный.

Я не стоял. Я двинулся.

Путь до них составлял три метра. Три метра жизни. Я упёрся левой ладонью в край подножки, удержал Хваткой. Подтянул ногу. Стрелок шагнул в сторону, чтобы увидеть меня из-за вывернутой дверцы. Боль в предплечье прострелила до локтя, но я не отпустил опору раньше толчка. Глеб помог выдохнуть и двинуться, не сбившись на панический вдох. Не удар по асфальту. Одна опора и один рывок.

Стрелок нажал на спуск. Очередь ушла выше, в край ка-

бины: я уже толкнулся от подножки и пригнулся под его ствол. Я оказался прямо перед ним. Его глаза расширились. Он ожидал увидеть мишень, а увидел лицо маньяка, который решил убить его голыми руками. Левой я схватил цевьё, отвлёл дуло от Аниной стороны и навалился всем весом.

Я прижал автомат к краю подножки своим коленом, освободил левую ладонь и схватил его за горло. «Хватка» сомкнулась. Не душил. Сжимал. Как пресс. Он попытался выдернуть приклад мне в живот, но оружие застряло под нашими телами. Мы упали вместе. Я сверху. Он подо мной. Правая рука осталась под перевязью — после падения я едва не заорал, но глотнул крик, не разжимая пальцев.

Удар головой в нос. Хруст хрящей. Кровь брызнула на мое лицо, теплая, соленая, живая. Стрелок задергался, выплевывая зубы. Я не отпускал горло. Чувствовал, как под моими пальцами ломается трахея. Это было мерзко. Это было эффективно.

Я убивал этого человека, как собаку, валяясь в грязи и крови. Он видел Аню за моей спиной и всё равно стрелял. Я не отпускал горло, пока он не перестал рваться к автомату. Это была моя рука, мой выбор, не требование Наследника. Дуло осталось в грязи. До девочки он больше не доберётся.

Второй боец, тот, с ножом, замер в двух метрах. Он не атаковал. Он смотрел на меня с интересом. Крупный, лысый, с татуировкой паука на шее. Командир группы? Или просто мясник?

— Хорошая техника, — сказал он спокойно, перекладывая нож из руки в руку. — Кубраков учит своих учеников драться в грязи?

— Я сам себе ученик, — просипел я, поднимаясь. Горло саднило, моё дыхание свистело от боли, а стрелок ещё дёргался у подножки. Я поднялся, упираясь коленом в его автомат, и отодвинул оружие под колесо.

Командир усмехнулся. Шагнул вперед.

— Тогда ты плохой учитель. Ты оставил свидетеля.

Он указал на кабину грузовика. Там сидела Аня. Смотрела. Видела все.

Он смотрел мимо меня, в кабину. Я не успел скрыть от Ани того, что она уже видела. Но между ножом и ею ещё мог встать. Я сделал шаг влево, закрывая пассажирскую сторону. Не уходить за его плечо. Не выпускать окно из виду.

Командир атаковал. Нож летел точно в глаз. Я отклонился, потянул край повисшей дверцы левой и подставил металл под удар. Нож скользнул, высекая искру. Я бросил дверцу, перехватил его запястье Хваткой, вдавил в стойку кабины. Новый навык держал вес двери, пока я уже держал другую руку. Только два предмета. Не всё сразу. Острие не повернулось к Ане.

Командир удивился. Его реакция сбояла на долю секунды. Этого хватило.

Я выкрутил его кисть. Нож выпал под колесо. Я отпустил запястье, толкнул его грудью и схватил левой за бедро. Двер-

да всё ещё давила ему на бок, удерживаемая Сцепкой. Я дёрнул вниз, подсёк опорную ногу. Командир рухнул. Пятка скользнула по луже, и он грохнулся спиной об асфальт. Я отпустил дверь. Пусть падает на него, а не тянет мою кисть.

Но он был готов к этому. В падении он выхватил из-за пояса гранату. Выдернул чеку.

— Давай, герой! — заорал он.

Время остановилось. Глеб говорил: «Убей». Хмурый кричал: «Защищай». Я слышал оба голоса, накладывающиеся друг на друга, создавая какофонию боли.

Граната лежала между нами. Секунды считывались в миге вечности. Я не мог оторвать от неё глаз. Такая маленькая; ноги сами готовились отшагнуть, словно это поможет. Я остановил себя у подножки. Отступлю я — открытой останется кабина.

Я не мог убежать. Аня была рядом. Граната могла задеть кабину.

Я увидел рычаг на асфальте: он уже отскочил от гранаты. Теперь времени не было. Я пригнулся у водительской подножки. Только кузов между ребёнком и осколками. Граната лежала внизу. Тело стрелка рядом. Хмурый подсказал, за что держать; новое эхо — как заставить тяжесть не отступить под моей рукой.

Я схватил ворот умирающего стрелка левой рукой, подтянул его на гранату. Сцепил тяжёлое тело с асфальтом, чтобы не скатилось. Командир потянулся убрать его, и я ударил

пяткой в грудную клетку. Уперся другой ногой в подножку, удерживая свой толчок. Это был не удар. Это был таран. Он отвалился от меня, а я нырнул за вывернутую дверь, прижал голову к колесу.

Грохот.

Осколки врезались в тело стрелка. Оно приняло часть, остальное застучало в низ кабины и подножку. Взрыв толкнул меня в колесо, в левое плечо впился осколок, кровь залила рукав. Голова гудела, мир качался. Я поднял левый локоть — двигается. Рана жгла, но рука ещё слушалась. Правую я не вынимал из перевязи.

Командир был жив. Он лежал, кашляя кровью, но его руки дрожали. Он достал пистолет.

— Сука, — прохрипел он.

Я встал. На ногах держался с трудом. Синие пятна на руках пульсировали, распространяясь выше локтей. Побочный эффект перегрузки.

Он нажал на курок. Щелчок. Осечка — или магазин перекосило от удара. Я не собирался ждать, пока он разберётся.

Я подошел ближе. Он смотрел на меня снизу вверх. В глазах не было страха. Была ненависть. И расчет. Он понимал, что проиграл.

— Ты заплатишь, — он дёрнул затвор, приподнял ствол ко мне. — Морозов...

Глава 4

Я ударил его ногой в челюсть. Раз. Два. Три раза. До хруста костей. До тишины.

Я добил его, глядя на руку с пистолетом. Она перестала двигаться только после третьего удара. До этого он всё ещё пытался поднять ствол. Я не собирался проверять, сколько раз ему понадобится дёрнуть затвор, чтобы выстрелить в девочку. Я ногой отшвырнул пистолет под колесо и встал между ним и дверью. Ствол ещё секунду назад смотрел туда, где сидела Аня. Больше не будет.

Я стоял над ним, тяжело дыша, глядя на свои окровавленные руки. Внутри ничего не екнуло. Ни совести, ни вины. Только пустота. И чувство удовлетворения от выполненной задачи. Я ждал, что меня сейчас вывернет, как вывернуло бы раньше от одного хруста под ногой. Не вывернуло. Носком я ещё раз отодвинул оружие, хотя оно уже лежало под колесом, и только тогда понял, что ишу себе дело, лишь бы не смотреть на его лицо.

— Леша? — голос Ани дрожал. Она открыла дверь кабины.

Я обернулся. Она смотрела на труп командира. Потом на меня. Ее лицо было каменным. Детским лицом, застывшим в маске взрослого равнодушия.

— Он мертв? — она держалась обеими руками за дверную

ручку, наклонилась вперёд, чтобы увидеть меня. До тела не дошла.

— Да, — я поднялся на подножку, закрывая ей мёртвого человека собой.

— Хорошо. Папа говорил, что плохие люди должны быть мертвыми.

Этот ответ ударил сильнее любой пули. Хотелось сказать: не говори так. Будто ей, а не мне нужно было сейчас объяснять, что здесь произошло. Я прикусил губу. Я уже повернулся к рулю и снова обернулся. Аня смотрела вниз, на погибшего, потом на меня. Что мне ей ответить? Спорить с её отцом, чьи последние слова всё ещё жили у меня в голове? Я заслонил ей дорогу рукой.

— Смотри на меня. Мы ещё едем.

Она перевела глаза на мою ладонь и отступила к сиденью. Я дал ей время пристегнуться. Два вдоха — столько мог дать, прежде чем снова тронуть машину.

Издалека слышался звук двигателя. Ещё один грузовик наемников прибыл на место аварии. Тот, который ударил нас сзади, оставался с разбитым мотором. Фары осветили дорогу, слепя глаза.

Я сел обратно в свою машину. Кабина была грязной, в крови и пыли. Аня забралась внутрь, пристегнулась молча.

— Едем, — сказал я.

Я снова свёл пусковые контакты через тряпку, завёл двигатель. Грузовик заурчал, жалобно и мощно одновременно.

Я развернулся на дороге, волоча лопнувшую шину на обочине, блокируя проезд второму грузовику, который пытался объехать завалы.

Водитель второго грузовика затормозил. Вышел наружу. Маленький, нервный человек в очках. Командир? Нет, исполнитель.

— Что вы натворили?! — заорал он, размахивая руками.
— Это контракт! Легальный контракт!

Легальный. Долг водителя. Коллекторская служба. Все сходилось.

— Где долг? — спросил я, открывая дверцу.

— В документах! В бардачке! Он должен был заплатить!
— водитель попятился к своей кабине. Выдернул оттуда лист, протянул мне, будто это могло остановить руку, которую он видел в крови.

Я взял этот документ. Прочёл имя водителя, номер договора и строку, в которой пытались поставить дочь рядом с имуществом. Достал телефон, снял страницу левой, прижав её локтем к дверце. Проверил, читается ли номер. Потом порвал лист пополам. Обе половины сложил и сунул в карман. Ему хотелось, чтобы я признал бумажку. Я признавал человека в кабине.

— Долга нет, — я поднял руку между ним и Аней. — Есть груз.

— Это копия! Договор действует! — он тыкал в мой карман, но ближе не подходил.

— Не с неё, — я закрыл ему вид на девочку плечом. — Деньги ищи у тех, кто тебя сюда послал. За ней ещё раз полезешь — не останется и этой копии.

Договор не исчез. Чужие счета тоже. Зато он убрал руку и шагнул с моей дороги. Сейчас мне нужно было именно это.

Я вернулся в кабину. Аня смотрела на меня.

— Почему ты не убил его? — Аня перехватила ремень, чтобы пропустить меня к рулю. Пальцы не отпускали ткань, она всё ещё смотрела на человека за окном.

— Потому что он не боец. Он мусор, — я выбрался на своё место, поставил ладонь на рычаг. — Стоит и бумажкой машет. Пусть машет подальше от тебя.

Я дал газ. Грузовик рванул вперед, навстречу свету фар встречного транспорта. Нужно было уйти с места преступления. Нужно было найти безопасную зону. Но прежде всего — нужно было понять, куда ехать.

Парковка торгового центра маячила впереди, как остров спасения среди океана опасности. Я свернул туда, чувствуя, как синие пятна на руках начинают зудеть, превращая кожу в жесткую, чужую поверхность. Цена силы росла. И счетчик времени тикал.

Цена веса

Я поставил грузовик за мусорными контейнерами, отпу-

стил рычаг и снял новую силу с машины. Грузовик хрипел, как астматик с пробитым легким. Из-под капота сочилась желтоватая жижа, смешиваясь с кровью и дизельным топливом на асфальте. Я сидел за рулем, вцепившись в него побелевшими пальцами, но они уже не слушались. Не от усталости. От холода. Синие пятна, расплзшиеся по предплечьям после того, как я превратил машину в таран, теперь пульсировали где-то под кожей, отдавая тупой, ноющей болью в костяшки. Казалось, будто мои руки медленно замораживают изнутри, заменяя плоть чем-то тяжелым, инертным, чужим.

— Ты живой? — Аня наклонилась к моей щеке, словно хотела проверить дыхание и боялась поднести руку. Голос прозвучал слишком громко в тишине кабины.

Я повернул голову. Девочка, лет десяти, сидела на пассажирском сиденье, обхватив колени руками. На её лбу красовалась ссадина, а грязные волосы прилипли к щекам. Она смотрела на меня не с благодарностью спасенной, а с тем настороженным холодом, который бывает у детей, выросших там, где взрослые режут друг друга ради кошельков.

— Живой, — соврал я про то, как себя чувствую. Поднял левый большой палец, показал ей — слушается. Голос сорвался в хрип. Горло саднило от дыма и криков.

Я попытался разжать челюсти, чтобы проверить, целы ли зубы. Целы. Но правая рука... Правая рука стала чужой. Пальцы сводило судорогой. Я посмотрел на свои ладони. Под ногтями почернели кровь и грязь, вены вздулись синими ли-

ниями на фоне бледной плоти. Это было побочное действие «Сцепки» — так мне казалось: после каждого усилия пальцы холодели сильнее. Водитель умер, передав мне своё эхо, и теперь это наследие требовало платы телом. Я не знал, сколько ещё смогу держать руль. Сжимал ладонь, разжимал, ловил хотя бы это движение. Сначала перевязать Аню. Потом достать рацию. Не пытаться удержать всё сразу.

— Нужно выйти, — я перетянул пакет аптечки из кармана на панель, чтобы она увидела. Больше говорил себе, чем ей. — Ногу тебе перевяжем.

Девочка не пошевелилась. Она только крепче прижала колени к груди.

Я толкнул повисшую дверь. Нижняя петля скрипнула, требуя усилия, которого у меня почти не осталось. Выбрался наружу, опираясь на бортик кузова. Воздух здесь, на задней парковке торгового центра у заброшенного склада, пах гарью и сырой землей. Дождь моросил мелкой пылью, оседая на стекле кабины.

Мои руки дрожали. Я забрал с панели пакет аптечки, вытащил две салфетки и бинт, сел на бордюр. Аня осталась наверху, посмотрела на лужу под подножкой. Я подставил левое предплечье, чтобы не хваталась за окровавленные пальцы, помог спуститься. Она шагнула на бордюр, села рядом. Не ревела. Только придерживала голень и смотрела, что я буду делать.

— Пятку сюда, — я показал на своё колено. Она постави-

ла. Я осторожно отлепил её рукав от пореза. Кровь опять выступила, но не струёй. Прижал чистую салфетку, подождал, пока Аня перестанет дёргать носком.

Зубами я удерживал край бинта, пока левой обматывал голень. Правой мог лишь прижать ткань к колену, не поднимая локтя. Аня держала свободный конец, сама протянула мне, когда понадобился. Боль ударила в левое плечо, заставив скривиться. Синие пятна оставались на кистях. Каждый удар сердца отдавал гулом в ушах, будто внутри меня работал дизельный генератор.

Я прижал другую салфетку к рассечённому левому плечу, прихватил поверх ткань куртки широкой полосой бинта. Дёргать осколок на парковке не стал. Пусть остаётся, только бы кровь не шла по рукаву. Аня держала пакет на коленях, пока я убирал остаток. Теперь перевязи было две, а рабочих рук по-прежнему полторы. От этого даже захотелось смеяться. Не вышло.

— Кто ты? — она передвинула аптечку с коленей ко мне, поглядывая на перевязь. — Кроме Лёши.

Я обернулся. Лицо было перекошено от боли, но я заставил себя говорить ровно. Техника дыхания Глеба, которую я пытался имитировать, давала лишь иллюзию спокойствия. Сердце билось в режиме турбо, готовое разорвать грудную клетку.

— Я убил тех, кто хотел тебя забрать, — я убрал пустую салфетку, чтобы она не трогала кровь. Аня смотрела на сал-

фетку в моих пальцах. Я скомкал её, убрал в пустой пакет. Про людей, которых оставил на дороге, ничего утешительного добавить не мог.

Она не заплакала. Она засмеялась. Тихо, злобно, как старуха. Смеялась и теребила край бинта на ноге. Я придержал её запястье, чтобы не сорвала.

— Они не хотели меня забрать. Они пришли списывать долг, — она повернула тонкую кисть под моей ладонью, посмотрела на след красного рукава. — Так сказали. Они всегда так говорят.

Я замер, держа край бинта.

— Какой долг? — я отпустил её запястье, положил ладонь на бордюр между нами. Не подгонять. Пусть договорит сама.

— Папин. Он должен был коллекторам. Много. И когда он не смог заплатить деньгами... — она пожала плечами, показывая тонкие запястья. Пальцы прятались в рукавах, но она вытащила их, будто мне нужно было увидеть, что кроме неё ничего нет. — ...у них остался только товар. Я. Товар стоит дешевле денег.

Слова упали в голову как кирпичи. Я смотрел на её запястья и никак не мог вернуться к лицу. Она показывала их, как показывают пустые карманы. Всё, что осталось для расчёта. Все эти наемники, эта охота, этот бой... Нет, не всё сходилось. Трое из седана шли за мной ещё до КамАЗа. Водителя с дочерью ловили другие — те, у кабины, с бумагой. На дороге наши две беды сцепились крепче, чем шина с насти-

лом. Это могла быть обычная криминальная разборка. Мелкая, грязная, бытовая. Но мне её уже не обойти. Я принял его эхо. Значит, принял его последнюю просьбу. Не счёт коллектора. Дочь, которую он не отдал им живым и теперь не отдаст мной.

Правило Наследника работало безотказно: берешь силу — берешь волю мертвого. А воля этого водителя требовала одного: довезти дочь до безопасности. В его памяти мелькало школьное крыльцо, тёплое окно возле вахты. Я не мог узнать по чужой картинке, кто там ждёт. Придётся спросить. Не въезжать на дымящем КамАЗе туда, где за девочкой могут стоять те же люди.

Я вытянул рацию из-за пояса, положил на бордюр. Корпус треснул, когда я падал у подножки, но динамик хрипел. Статический шум прерывался голосами.

Я потянулся к рации, чувствуя, как синие линии на руках горят огнем. Пальцы не слушались, я схватил рацию левой рукой, прижав ее к уху.

— Сектор четыре чист. Объект подтвержден, — сухой, безэмоциональный мужской голос пробился сквозь помехи. — Груз не вышел на связь. Повторите статус.

Кровь отхлынула от лица. «Объект подтвержден». Они знали. Или говорили сейчас о другом человеке. Я слушал, надеясь вытащить имя, адрес, хоть что-нибудь. Эта засада могла быть частью чего-то большего, чем просто выбивание долга. Если кто-то проверял, насколько сильно новое эхо

влияет на носителя, я только что дал прекрасный ответ. Но по двум словам нельзя было назначить заказчика. Я придвинул рацию, дождался следующего запроса.

— Полина? — прошептал я, доставая из кармана телефон Ратмана. Экран был разбит, сеть ловила еле-еле, один полосатый сегмент связи. Я набрал номер, сохраненный в контактах как «Шадрова». Гудки тянулись бесконечно. Затем щелчок. Тишина. Индикатор сети пропал. Глушат? Или аппарат после всех ударов сдался? Я ещё раз поднял телефон, попробовал на открытом воздухе. Не пошло. Убрал в карман, достал Димин кнопочный. На нём тоже мигало: «Поиск сети».

Я вернул внимание к рации. Диспетчер продолжал ждать ответа.

Если я молчу, они придут сюда. Если я скажу правду — тоже придут. Единственный шанс — соврать так убедительно, чтобы они потеряли след.

Я положил большой палец на кнопку микрофона и не сразу нажал. Сначала выдохнул; получился жалкий сип. Ещё раз. Глеб помог удержать ритм, но слова всё равно придётся произносить мне. Я представил, как диспетчер услышит этот сип и начнёт переспрашивать. Нет, ему нужен раздражённый человек с плохой связью, не загнанный мальчишка. Я включил микрофон на следующем выдохе. Боль в руках никуда не делась; зато голос больше не подскакивал на каждом ударе сердца.

— Здесь сектор семь, — я прижал рацию к воротнику,

чтобы ткань съела часть голоса, искажая его кашлем. — Груз поврежден. Машина в канализационном коллекторе. Нет сигнала. Повторите запрос.

Тишина на другом конце длилась вечность. Потом диспетчер ответил, раздраженно:

— Принято. Ожидай инструктаж. Не двигайся.

Он купился. Или сделал вид, что купился. Теперь у меня было несколько минут, прежде чем они поймут, что их водят за нос.

Я опустил рацию и повернулся к девочке. Она сидела неподвижно, наблюдая за мной с выражением, которое я не мог прочесть. Страх? Надежда? Или расчет? Я протянул руку за аптечкой; она отдала, но не отодвинулась. Значит, хотя бы от меня сейчас не бежит.

— Как тебя зовут? — я споткнулся на собственном вопросе: уже слышал. Умиравший говорил только её имя, а я держал в голове дорогу. — Аня ведь?

— Аня, — она поправила бинт поверх носка и подтянула ногу ближе, чтобы я снова не стал за него тянуть.

— Где твоя школа, Аня? — я раскрыл сложенный договор на колене, искал строку с её адресом, но смотрел на неё. — Папа вёз тебя туда?

Она назвала адрес. Старый район, окраина. Туда ехать три часа по вечерним пробкам. Три часа, пока мои руки будут остывать после каждого усилия.

— К кому? — я сложил половины документа, прижал их

локтем.

— К маме Лизы, — Аня потянула ворот свитера выше, закрыла подбородок. — Она там работает. У продлёнки. Папе сказала: если опять придут, вези.

Я повторил адрес вслух. Она исправила номер дома, показала два пальца. Не первая школа, вторая. Я повторил уже правильно. Довезти — это не выбросить ребёнка у знакомой вывески. Найти ту женщину. Убедиться, что знает её.

Я подошел к грузовику и начал обыскивать кабину. Бардачок был заперт. Я применил «Железную хватку», но пальцы соскользнули с металла. Сила уходила. Каждое движение требовало невообразимых усилий, словно я тащил на себе бетонную плиту. Я присел на подножку, перевёл дух Глебом. Остаток силы нужен мне не для замка. Панель можно отжать ногой.

Вместо замка я ударил ногой по панели. Пластик треснул, открыв доступ к содержимому. Внутри лежали документы водителя, пачка сигарет и детская игрушка. Брелок в виде плюшевого медведя. Я взял его в руки. Медведь был дешевым, с оторванным ухом. Но когда я перевернул его, то увидел маленький светодиод, мигающий красным.

GPS-трекер? Под плюшем прятался пластиковый модуль, маленькая антенна и мигающая лампочка. Похож на активный. Проверять устройство в телефоне сейчас некогда.

Сердце пропустило удар. Если брелок отправлял сигнал прямо сейчас, кому-то было известно наше место ещё до но-

вого эха. Куда уходил сигнал, я не мог выяснить по мигающей лампочке. На сервер Реестра? Коллекторам? Кому-то третьему? Её отец мог возить чужие грузы — или просто проиграть деньги. Я отложил догадки. Передо мной лежал предмет, который мог выдать ребёнка, и этого хватало.

Я сунул брелок под пластиковый кожух оставленного грузовика, не обрывая провод внутри. Лампочка продолжала мигать. Если они идут по нему — найдут кабину. Пока он работает, у нас есть иллюзия контроля. Мы можем вести врага за собой. Только я больше не собирался вести его к школе. Уходить самим, а этот след оставить здесь.

Аня потянулась к медведю. Я поймал её ладонь раньше.
— Подождём, — сказал ей. — Я тебе другого найду. С двумя ушами.

Она посмотрела на оторванное ухо, потом на меня. Не улыбнулась. Но руку убрала. Я уже приготовился объяснять снова и замолчал. Не поверила обещанию про другого медведя — или просто устала спорить. Всё равно послушалась. Хотелось погладить её по голове, но мои пальцы были в крови. Я так и оставил ладонь у себя на колене.

— Нам нужно идти, — я застегнул куртку над двумя половинами договора, поднял с бордюра аптечку. Аня держалась за моё левое предплечье, пока вставала.

Она кивнула, не задавая вопросов. Она привыкла, что взрослые всегда куда-то идут и всегда что-то скрывают.

Мы двинулись вдоль стены склада. Мои ноги казались

свинцовыми. Я ещё удерживал Сцепку, будто грузовик мог рвануть вслед, хотя он уже не нёс нас. Отпустил это движение. Тяжесть осталась в руках и голове, но ноги больше не тянуло назад к кабине. Я чувствовал себя куском мяса, прикрепленным к земле гравитацией. Зато шаг сделать сумел. Потом ещё один. Аня успевала, прихрамывая. Я подстроился под неё.

В голове звучал не Хмурый, не Глеб. Там был тихий, равнодушный голос водителя. Не требовательный, а констатирующий факт. *«Тяжелый груз. Не тащи лишнего».*

Это было не предупреждение. Это было описание состояния. Я тащил лишнее. Его страх, его смерть, не отпущенный навык. Саму Аню к лишнему я не относил. Синева осталась на кистях, под курткой жгло плечо. Я проверил салфетку поверх рукава: кровь больше не текла вниз. Значит, можно пройти до угла. Дальше увидим.

Аня шла рядом. Она не плакала. Она смотрела на мои синие руки с любопытством, как на странную болезнь.

— У тебя тоже есть долг? — она держалась за мой рукав, перепрыгнула тонкую струйку воды и сразу остановилась: нога заболела. Я дождался, пока опять поставит пятку.

Я остановился, прислонившись спиной к стене. Голова кружилась. Перед глазамиплыли темные пятна.

— У всех есть долг, — я опёрся лопаткой о стену, оставляя ей работающую левую руку. — Просто некоторые платят деньгами. А другие — собой.

Она посмотрела на меня снизу вверх. В её глазах не было страха перед моим видом. Только понимание. Она знала эту цену лучше, чем я.

— Папа говорил, что деньги — это бумага. А жизнь — это вес. Его нельзя сбросить, — она прижала пальцем край моих разорванных половин, торчавший из кармана. Бумага размокла от дождя, и Аня убрала руку, чтобы не порвать ещё.

Я закрыл глаза. Вспомнил момент, когда прыгнул в кузов грузовика. Когда почувствовал, как чужая воля входит в мое тело. Тогда я думал, что получаю оружие. Теперь я понял, что вместе с оружием получаю балласт. Его страх за эту девочку. Но оружие сработало. Покрышка, удержанный поворот, дверь между ножом и Аней. Я вынес её из кабины. Осталось довести. Этого обещания я назад не забирал.

Нам нужно было уйти с парковки. Диспетчер не дурак, он проверит мою ложь. Названный коллектор и брелок в грузовике вели в разные точки. Оба следа я оставлял позади. В кармане завибрировал Димин телефон — возле открытого проезда наконец нашёл сеть.

— Ты где? — голос Димы дробился помехами. — Электрокар у ворот оставил, я уже на своей. Ехать за тобой?

Я прикрыл трубку от дождя левой ладонью.

— За торговым центром, у склада. С девочкой. Живой.

— Какая ещё девочка? — он затих, что-то лязгнуло у него рядом. — Стой там. С какой стороны?

Я назвал вывеску мастерских, которую видел над углом.

Он попросил выйти к боковому проезду, не к главному входу. Нажал отбой первым. Я убрал телефон и посмотрел на Аню: пока я говорил, она стояла на целой ноге, второй касалась земли только носком. Пешком три часа я её не поведу.

Я посмотрел на Аню. Она была жива благодаря тому, что я стал монстром. Благодаря тому, что я убивал тех, кто лез в кабину, ломал кости, перевернул их машину. Кто выжил в ней, я не проверял. И она знала это. Она видела кровь на моих руках, слышала хруст костей в машине. Она не благодарила. Она боялась. Но она шла за мной, потому что бежать было некуда.

Это и была цена веса. Ты становишься сильнее, но теряешь легкость души. Ты сохраняешь жизнь, но покупаешь право на смерть других.

Я подтянул Анин рукав, чтобы она не наступила на длинный край. Она подалась ближе. Я удерживал её левой, правый локоть — у себя. Сильнее я стал. Только дверь машины теперь всё равно попросил бы открыть другого.

— Куда теперь? — спросил я сам себя, хотя ответ был очевиден.

Школа. Туда, где её ждут. Туда, где закончится мой временный союз с мертвым водителем и начнется настоящая охота.

Я поднялся, опираясь на стену. Синие пятна пульсировали в ритм сердца. Грудь болела, как после удара молотом.

— Идем, — сказал я Ане.

Она взяла меня за свободную руку. Её пальцы были маленькими, теплыми и сухими. Этот контакт странно успокоил эхо водителя. Голос в голове затих, сменившись ощущением покоя. Я не стал объявлять это правилом нового навыка. Может, он просто услышал, что я её не оставляю. Может, я сам наконец перестал пытаться держать грузовик за спиной. Холод в пальцах не исчез. Но её ладонь я чувствовал.

Это означало, что я привязан к ней. Насмерть.

Мы пошли прочь от грузовика, оставляя его дымиться на пустой парковке. Дождь усиливался, смывая кровь с асфальта, но не с моих рук. Город вокруг спал или делал вид, что спит. За углом уже слышался гул моторов. Ближе. Быстрее.

Я сжал левую кисть вокруг её пальцев осторожно, чтобы хватка не схватила вместо меня. Правая рука висела в перевязи, бесполезная, синяя, тяжелая. Я прижал документы в кармане локтем. Со мной были новый голос и девочка, которой я обещал довести.

Я был Наследником. И теперь я нес в себе не только чужую силу, но и чужую вину.

Фары показались за мастерскими. Я остановил Аню у стены, дождался, пока узнаю Диму за рулём. Он вышел сам, открыл заднюю дверь, подставил ладонь ей под локоть. Я только тогда отпустил её руку.

— Отец где? — Дима увидел бинт на её ноге, потом мою кровь на куртке. Я качнул головой. Аня слышала. Он больше не спросил. Подложил ей под пятку свёрнутую рабочую

куртку, дал сесть, не сгибая раненую ногу.

Я проверил замок ремня левой, закрыл дверь и сел впереди. Водительский голос внутри толкнул к школьному крыльцу. Я назвал адрес. Дима посмотрел на моё плечо, потом на перевязь справа.

— Сначала к твоей матери. Здесь ты с таким рулём уже накатался. Я довезу.

Я хотел спорить. Повернулся к Ане: она прижимала ладонь к ремню, ждала, что решу.

— До школы потом вместе, — я выставил перед Димой два сложенных пальца вместо кивка. — Не высаживаешь её. Не одного меня везёшь.

Он посмотрел в зеркало на девочку, протянул мне пачку чистой ткани для плеча.

— Вместе, — сказал и включил передачу.

Машина тронулась. На заднем сиденье Аня перестала держать ремень кулаком, положила ладонь на куртку под ногой. Я прижал ткань к плечу, увидел на приборной панели повреждённый планшет. Дима накрыл его моей старой рабочей перчаткой. Копии не исчезли. Третий голос у меня тоже остался.

«Довези».

— Довезу, — ответил я тихо и посмотрел в зеркало. Аня услышала. Подняла глаза на меня. Мать ещё не знала, кого я привезу вместе с собой.

Глава 5

Тишина после грозы

Я держал левой край сиденья и считал повороты до дачи: довезти Аню до маминой аптечки, потом проверить школьный адрес. Девочка сидела сзади, пристёгнутая, с Диминой курткой под перевязанной голенью. На ухабах тянулась ко мне, но не звала: только шуршал рукав по спинке. Машина Димы вела себя как живая, но больная тварь. Руль бил по Диминым ладоням, подвеска скрипела на каждой яме промзоны, а двигатель утробно хрипел, не желая тянуть нас к спасению. Я сидел на переднем пассажирском, прижавшись виском к холодному стеклу. В голове стоял белый шум. Не тишина, а именно шум — тот самый статик на пустом канале, только громче и злее. Хмурый и Глеб дрались внутри черепа, перебивая друг друга. Третий, водитель, всё ещё требовал довезти дочь. Я оглядывался на заднее сиденье при каждом его толчке, хотя Аня никуда не исчезала. Хмурый орал, что нужно держать строй, что груз тяжелый, что руки слабеют. Глеб шипел сквозь зубы: «Не дыши так часто, собьёшься». Я не мог выбрать ни одного из них. Тело слушалось плохо, мышцы сводило судорогой от остаточного эффекта «Сцеп-

ки массы», которой удерживал грузовик в столкновениях. Кровь капала с разбитой губы на воротник куртки, горячая и соленая.

— Лёша, держись, блядь, держись! — кричал Дима, перестраиваясь через двойную сплошную. Его лицо было белым, глаза выпучены от ужаса и концентрации. — Мы почти доехали. Почти.

Я попытался ответить, но язык заплетался. Боль в правой руке была такой острой, что мир вокруг мерцал красными вспышками. Осколки стекла, застрявшие в предплечье, пульсировали в ритме сердца. *Тук-тук. Тук-тук.* Каждый удар отдавал в мозг электрическим разрядом.

— Ехать... быстрее, — выдавил я, посмотрев в зеркало на Аню. Она держала ладони под коленями, не давала раненой ноге прыгать. Голос звучал чужим, хриплым.

— Куда быстрее? — Дима сдёрнул руль с очередной ямы, выровнял машину между двумя грузовиками. — Тут до центра час езды без пробок, а сейчас вообще ад!

— Молчать, — приказал я. Это вышло само собой. Интонация Хмурого. Жесткая, командная, не терпящая возражений. Дима замолчал, хотя плечи его напряглись. Он боялся, что я опять полезу к рулю. Я оставил левую на колене. Я увидел в зеркале, как Аня убрала руки из-под коленей, прижалась к дверце. Ей показалось, что я кричу и на неё. Я разжал левую ладонь, повернулся настолько, насколько пустила перевязь. — Не тебе, Ань. Прости. Она ничего не ответила.

Только снова подложила ладонь под голень. Дима перестроился молча. Я ещё раз оглянулся на неё. Она смотрела в окно, не на меня.

Мы мчались по ночному городу. Фонари мелькали за стеклом как стробоскопы, выхватывая из темноты силуэты зданий, людей, машин. Меня тошнило. То ли от крови, которую я глотал, то ли от того, что эхо Глеба начинало просчитывать траектории падающих тел, которых вокруг не было. Призрачная война в голове мешала видеть реальные дороги.

Дача появилась внезапно. Серый забор, покосившаяся крыша, темные окна дома. Место, где я вырос, где отец «просто гулял» по вечерам, а мать варила борщ, пахнувший укропом и безопасностью. Теперь это место выглядело как декорация к фильму ужасов.

Дима заглушил мотор. Машина вздохнула и затихла. Тишина обрушилась с оглушительной силой.

— Дальше сам, — сказал он тихо, положив обе ладони на руль и глядя между ними. — Если увидят, скажут, что я увёз тебя. Или что ты умер. Мне надо жить, Лёша. Извини.

Я не ответил сразу. Откажусь — он останется, будет ждать под чужими окнами. Отпущу — дойти с Аней придётся самому. — Ты обещал вместе, — я повернул голову к заднему сиденью. Аня ждала, не вылезала сама. Дима потёр ладонью край руля. — До школы довезём. Утром. Я приеду. Сейчас мне надо уйти от дороги. — Девочке дверь открой. Дальше доведу. Он вышел, открыл заднюю дверь, убрал куртку

из-под её ноги. Я открыл свою. Нога соскользнула на мокрый асфальт. Я едва не упал, удержавшись за край кузова. Левые пальцы царапали металл, оставляя кровавые полосы. Правую руку я держал в перевязи. Дима подвёл ко мне Аню, подал её рюкзак; я накинул одну лямку на левое предплечье, не на раненое плечо. Она сама ухватила за нижний край моей куртки. — До крыльца, — сказал я. — Там мама. Она нас обоих поругает. — За что меня? Аня посмотрела на собственную повязку, как будто её можно было спрятать. — За компанию. Меня одного ей мало. Дима придержал меня за локоть, пока нога нашла землю. Потом отпустил. Машина ушла без фар до поворота; дальше красные задние огни всё-таки вспыхнули.

Вокруг было темно. Только месяц пробивался сквозь облака, да редкие фонари освещали улицу тусклой оранжевой сеткой. Нужно войти в дом. Тихо. Без свидетелей.

«Не тащи лишнего», — напомнил водитель. Я поправил лямку Аниного рюкзака; чужого груза больше не было, только то, что нужно девочке.

Пошёл вдоль забора, ставя ноги на траву, а не на хрустящий гравий. Левая рука могла держать рюкзак и Анин рукав, но не могла ещё и цепляться за каждую доску. Я опёрся спиной о забор, переждал спазм в плече, сделал шаг. Потом ещё один. Трава шуршала под подошвами. Аня ставила ногу вслед за моей, старалась не ступить на раненую голень всем весом.

Где-то за соседним участком залаяла собака. Резкий, лающий звук разрезал ночь.

Я замер. Сердце заколотилось о ребра. Эхо Хмурого зарычало в голове: *«Стоять! Ты жив? Проверь периметр!»*

— Заткнись, — прошептал я одними губами, прижавшись спиной к столбу. Аня остановилась рядом; я сразу показал ей ладонью, что это снова не ей.

Собака продолжала лаять, потом захрипела и замолчала. Кто-то включил свет в окне соседей. Свет упал на забор, выхватил мою тень. Длинные пальцы, сутулая спина, пятна крови на одежде.

«Уходи!» — крикнул Глеб. *«Они видят тебя!»*

Я не мог уйти. Мать была там. Внутри этого дома.

Соседская дверь открылась. Вышел старик в растянутом халате, шаря взглядом по двору. Он заметил движение у нашего забора. Посветил фонарем. Луч прошел по мне, по лицу, по окровавленным рукам. Аня оказалась за моим боком; я не отступил, закрывая её от света.

Старик моргнул. Я отвёл лицо, капюшон закрыл лоб. Он щурился в собственный луч, потом сплюнул.

— Опять эти алкаши, — пробурчал он себе под нос, опуская фонарь к крыльцу. — Иди домой, дед, чего уставился. «Дед» — это он себе. Мне вдруг очень захотелось, чтобы и меня тут не узнали до утра.

Он закрыл дверь. Свет погас.

Я выдохнул. Легче стало только на секунду. Нервная си-

стема была перегружена до предела. Любое движение теперь требовало огромных усилий воли.

До входной двери оставалось три метра. Пять ступеней крыльца. Деревянная дверь, облупившаяся краска. Я потянулся левой к ручке, Анин рюкзак сполз к запястью. Она перехватила его за лямку, дала мне освободить ладонь. Ручка была холодной. Металлический скрежет открываемого замка показался мне пулеметной очередью.

Дверь приоткрылась. Пахло пылью, старыми книгами и чем-то сладковатым — возможно, вареньем, которое мать варила летом. Этот запах ударил меня сильнее боли. Он разрушал броню, которую я выстроил за последние дни. Броню убийцы, выжившего, монстра. Под ней снова был двадцатилетний парень, который просто хотел домой.

Я пропустил Аню внутрь. Вошёл следом, закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел в пустом зале.

В доме было темно. Только свет луны падал на пол кухни, вырисовывая квадраты окон. Я прислонился спиной к стене в коридоре, пытаюсь восстановить дыхание. Голова кружилась. Мир покачивался.

На кухне скрипнула половица.

— Алло? — голос матери был сонным, тихим. — Лёша? Это ты?

Она вышла в коридор. В руках она держала кухонное полотенце, которым вытирала руки. Увидев меня, она замерла. Полотенце упало на пол.

Её глаза расширились. Не от удивления, а от ужаса. Она смотрела не на мое лицо, а на мои руки. На черные пятна крови, стекающие по пальцам. На рваную одежду. На порез куртки у левого плеча, на старую перевязь справа.

— Боже мой... — выдохнула она. Голос сорвался на визг. — Лёша! Что случилось?!

Она метнулась ко мне. Быстро, неожиданно быстро для женщины её возраста. Придержала меня под левым локтем, притянула к свету. Плечи болели оба; я дёрнулся, и она тут же опустила руку ниже. Пальцы дрожали, когда она начала ощупывать мои руки, проверять грудь, живот.

— Драка... — начал я, удерживая левой край дверного косяка. Голос был слабым, жалким. — В клубе. Подрезали кого-то. Не повезло. За моим боком Аня переступила через порог. Мама увидела детскую ногу с бинтом и перестала слушать моё враньё.

Мать подняла на меня глаза. В их серой глубине читалось недоверие, смешанное с паникой.

— Не повезло? — переспросила она. Она взяла мою правую руку. Посмотрела на глубокий порез, на котором все еще виднелись осколки стекла. Посмотрела на старый ожог под краем повязки. Посмотрела на синяки, которые проступали даже через кожу, словно отпечатки чьих-то пальцев на шее. — Это не драка, Лёша. Это пытали. Тебя пытали.

— Нет... — я попытался отдернуть руку, но сил не было. Хотелось спрятать её под стол, будто тогда мама не заметит

всей крови. Глупость, но всё равно хотелось. Только теперь грязь ещё можно было смыть, а всё остальное мама уже увидела. Я перестал тянуть. Пусть держит, если ей так легче.

— Да! — она повысила голос, впервые за весь вечер. В нём была сталь. Та самая скрытая сила, которую я всегда принимал за мягкость. — Ты думаешь, я дура? Я видела таких раньше. До того как твой отец... До того как всё изменилось.

Она схватила меня за рукав и потащила на кухню. Я сопротивлялся, но слабость взяла верх. Я опустился на стул, когда она подвела его под мои колени. Мать начала рыться в аптечке, доставая антисептик, бинты, обезболивающие. Ане показала на второй стул, под ногу поставила низкую табуретку. Рюкзак сняла с её рук сама, положила на пол так, чтобы девочка его видела. — Тебя как зовут? Мама раскрывала аптечку, но смотрела на ребёнка, не на замок. — Аня. — Девочка выпрямилась на стуле, перестала прижимать ладони под коленями. — Аня, держи полотенце. Сначала ему руку, потом тебе ногу. Девочка прижала чистое полотенце обеими ладонями. Ей дали дело — и она перестала прятаться за моим стулом.

— Сиди, — приказала она, прижимая чистое полотенце к краю стола перед моей перевязью. — Не трогай руками ничего. Грязь.

Она налила антисептика в миску, намочила салфетку. Протянула руку к моей ране на предплечье.

— Будет больно, — сказала она спокойно, поддерживая

мой локоть над сложенным полотенцем.

— Я знаю, — ответил я, отвернувшись от пинцета к Ане. Ей смотреть туда тоже не стоило. Хотел сказать что-нибудь смешное, но мама уже поднесла пинцет, и вся моя храбрость ушла на то, чтобы не отдёргнуть руку. Аня смотрела на меня. Я приподнял бровь: видишь, пока держусь.

— Тогда молчи. — Мама подвинула мою ладонь ближе к свету, дождалась, пока я перестану её отдёргивать.

Антисептик коснулся кожи. Боль была такой резкой, что я подавил крик, стиснув зубы до скрипа. Мать действовала методично, как хирург. Она не смотрела мне в лицо, она работала с раной. Убирала пинцетом осколки, которые торчали наружу и выходили без сопротивления. На глубоком остановилась; закрыла участок чистой салфеткой. Старая шина осталась на кисти, перевязь она поправила, не поднимая руку за плечо. Правую она оставила на сложенном полотенце, чтобы не тянула рану собственным весом.

— Кто это сделал? — спросила она, не прекращая работы.

— Кланы, — коротко ответил я, удерживая левую ладонь открытой на столе. Правдивый ответ, но неполный.

Мать замерла. Пинцет повис в воздухе.

— Кланы? — повторила она. Слово прозвучало как приговор. Она посмотрела на меня. Впервые за много лет я увидел в её глазах не маму, а женщину, которая знает цену этому слову. Цену крови, цены жизни, цены смерти. — Ты стал одним из них. Пробужденным. Теперь я вижу, что это значит.

Это был не вопрос. Это было утверждение.

— Да, — сказал я, не вытаскивая правую из её рук. Она уже знала про Реестр и класс; теперь увидела, с чем я оттуда возвращаюсь.

Мать медленно положила пинцет обратно. Продолжила перевязку. Но движения её стали жестче.

— Твой отец тоже приходил таким, — сказала она тихо. — Перед последним рейдом. Он говорил, что это работа. Что это деньги. Что это защита. А потом...

Она не договорила. Не нужно было. Я помнил этот вечер. Помнил, как он уходил, как хлопнула дверь, как через неделю приехала полиция и сказала, что он погиб на объекте. «Несчастный случай».

Повязка была закончена. Мать откинула грязные бинты в ведро.

Потом приняла у Ани полотенце и осторожно открыла повязку на голени. Рана не разошлась. Мама смыла грязь вокруг неё, вернула чистую салфетку на место. — Держишься? Она придержала девочкину пятку, пока тянула бинт. — Я не смотрю, — ответила Аня, прижав к губам кулак. — Вот и правильно. Я посмотрю за двоих. Я закрыл глаза. Две минуты назад хотел быть тем, кто здесь всё решает. Теперь очень хотелось посидеть именно на этом стуле, пока мама решает за нас.

— Ешь, — сказала она, поставив ложку ручкой к моей левой ладони. — Потом спать. Завтра решим, что делать.

Она поставила передо мной тарелку с супом. Разогретым, вчерашним. Запах бульона ударил в нос. Голод, который я игнорировал несколько дней, вдруг проснулся зверем.

Я взял ложку левой. Рука дрожала. Суп попадал в рот, обжигая горло. Но каждый глоток возвращал силы. Я задерживал ложку над тарелкой, ждал, пока кисть перестанет ходить ходуном; мама не торопила. От этого хотелось есть ещё быстрее. Впервые за весь день за мной смотрели не затем, чтобы понять, когда я упаду.

— Спасибо, — сказал я, отодвигая тарелку от края: иначе смахнул бы её очередным спазмом.

Мать села напротив. Смотрела, как я ем. Её лицо было каменным.

— Тебе нужно мыться, — сказала она. — Кровь смывается плохо.

Я кивнул. Встал. Ноги подкосились. Я едва не упал, ухватившись за край стола. Мать помогла мне добраться до ванной. Включила воду. Теплую, приятную.

Я умывался над раковиной, оставляя перевязь и свежие повязки сухими. Мама держала полотенце под правым локтем, пока левой смывал кровь с лица. Вода перестала уходить в слив розовой. Пока стирал грязь с целой кожи, в голове стало чище. Эха успокоились, переходя в режим ожидания. Боль стала фоновой, тупой.

Выходя из ванной, я почувствовал слабость. Ноги были ватными. Я добрался до гостиной, где стоял старый диван.

Упал на него. Потолок плыл. Глаза закрывались сами собой.

Мама уложила Аню на раскладушке рядом с диваном, под голень подсунула валик из пледа. Медведя с её рюкзака положила у подушки. Девочка заснула раньше, чем я успел обещать ей школу утром. Я проверил телефон, написал Диме. «Обе дома. Нога перевязана. Утром в школу». Он ответил коротко: «Приеду».

Остаток ночи прошёл урывками.

Проснулся я от звука. Тихого, металлического скрежета. Где-то снаружи. Во дворе.

Эхо Хмурого мгновенно активировалось. *«Периметр нарушен! Вставай!»*

Сердце заколотилось. Я сел на диване, озираясь. В комнате было темно. Луна светила через окно, создавая длинные тени.

— Лёша? — позвала мать из спальни.

— Спи, — шепнул я в сторону спальни, придерживая край дивана левой. — Показалось.

Но голос внутри не замолкал. *«Проверь. Если не проверишь — умрешь во сне.»*

Я встал. Ноги слушались хуже, чем хотелось бы. Подошел к окну. Аккуратно, чтобы не задеть раму. Посмотрел во двор.

Тишина. Ни ветра, ни листьев. Идеальная, мертвая тишина дачного поселка.

«Пuls», — подсказал Глеб. *«Замри. Сначала своё ды-

хание.»*

Я закрыл глаза. Сосредоточился. Замедлил сердцебиение. Мир вокруг стал четче, контрастнее. Я слышал шум холодильника на кухне. Шум воды в трубах. Шум дыхания матери за стеной.

И... ничего больше.

Ни шагов. Ни шороха веток. Дальше стен я слышать не мог; чужие сердца Глеб мне отсюда не показал.

Просто показалось? Просто нервная система перегруженного организма играла шутки?

Я выдохнул. Открыв глаза, почувствовал легкое головокружение. Перегрузка «Пульса» стоила дорого. В голове шумело, в висках стучало.

Я развернулся, чтобы вернуться к дивану. Шаг назад. Второй. Ноги подкосились окончательно. Я рухнул на пол перед входной дверью. Удар был глухим. Боль в плече вспыхнула фейерверком.

Попытался встать. Не смог. Тело отказывало.

Дверь спальни распахнулась. Мать выбежала в коридор, натягивая халат на ходу.

— Лёша! — Она упала рядом на колени, положила ладонь мне на грудь, ждала вдоха. — Что случилось? Ты живой?

— Ноги... — еле выдавил я, упираясь пяткой в пол. Она скользнула, так и не подняв колено. — Не слушаются.

Она посмотрела на меня. В её глазах не было паники. Было холодное расчетливое спокойствие. Она знала, что такое

перегрузка нервной системы. Может быть, она видела это у отца. Может быть, она ждала этого от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.